А 183/1492

Бородин.
1863.

А 183.
1492.

ЛЕЗГИНСКОЕ ВОЗСТАНІЕ ВЪ КАХЕТІИ

А 183
1492

въ 1863 году.

(Изъ воспоминаній К. А. Бороздина).

ОТТИСКИ ИЗЪ ЖУРНАЛА
«РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1890.

ЛЕЗГИНСКОЕ ВОЗСТАНІЕ ВЪ КАХЕТІИ

ВЪ 1863 ГОДУ.

(Изъ воспоминаній К. А. Бороздина).

ОТТИСКИ ИЗЪ ЖУРНАЛА
«РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.
1890.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Сентября 1890 года.

2007099233

Лезгинское возстаніе въ Кахетіи въ 1863 году.

(Изъ воспоминаній К. А. Бороздина).

ГЛАВА I.

Алазанская долина. Безпрерывная, вѣковая на ней борьба грузинъ съ лезгинами до покоренія восточнаго Кавказа, въ 1859 году. Горныя лезгинскія общества и ихъ набѣги на Кахетію. Организація обороны и военныя дѣйствія лезгинской кордонной линіи. Джарскіе лезгины, какъ тоже исконные враги грузинъ. Новая мирная эра для Кахетіи.

Рѣка Алазань беретъ начало въ вершинахъ горной Тушетіи, выходитъ изъ Панкійскаго ущелья на Алванское поле, течетъ прихотливыми извивами на протяженіи 366 верстъ, частію по самой серединѣ своей долины, частію у подошвы Дагестанскаго хребта, получаетъ отъ него множество притоковъ и, среди лѣсистой мѣстности Самуха, впадаетъ въ Куру. По крутому своему паденію она не судоходна. Страна, ею орошаемая, называется Кахетіей.

Долина р. Алазани, по направленію отъ сѣвера къ югу, постепенно расширяется; въ верховьяхъ ея, на Алванскомъ полѣ, въ ней не болѣе 15-ти верстъ ширины; противъ города Телава слишкомъ 20; у города Сигнаха до 40, и затѣмъ она переходитъ въ обширную равнину Самуха.

Правую сторону долины окаймляетъ невысокій кряжъ пологихъ холмовъ, отдѣляющій ее отъ долины рѣки Іоры. Эти холмы обращены своими покатостями на востокъ, на солнечную сторону, лежатъ, такъ сказать, на припекѣ, что́ и создаетъ имъ (при совмѣстномъ на нихъ воздѣйствіи солнца и лучистаго холода противолежащихъ снѣговыхъ вершинъ Дагестана) самыя благопріятныя условія для разведенія садовъ

и виноградниковъ. Тутъ-то и производятся лучшіе сорта кахетинскаго вина. Селенія раскинулись по отлогостямъ холмовъ, спустились далеко и въ долину, нѣкоторыя до самой Алазани, и утопаютъ въ зелени садовъ и виноградниковъ, давая о себѣ знать сквозящими изъ-за древесной листвы, красными, черепичными крышами. На разстояніи верстъ пятидесяти, одинъ отъ другаго, помѣстились на этомъ кряжѣ и два города: Телавъ и Сигнахъ, на возвышенностяхъ, командующихъ долиною. Въ первомъ изъ нихъ до семи, а во второмъ, до десяти тысячъ жителей.

Характеръ противоположной, лѣвой стороны Алазанской долины совсѣмъ иной. Она лежитъ у подножья сплошнаго, колоссальнаго Дагестанскаго хребта; селенія на ней встрѣчаются гораздо рѣже и скучиваются преимущественно въ устьяхъ горныхъ ущелій; одно впрочемъ изъ нихъ очень большое, Нанареулъ, въ видѣ исключенія, подходитъ къ самому берегу Алазани. Множество горныхъ рѣчекъ даетъ этой сторонѣ особенную влажность климата, усиливающую растительность; но вино ужь здѣсь не то, что на правой сторонѣ, условія вызрѣванія винограда менѣе благопріятны, изъ тѣхъ же лозъ получается продуктъ, значительно низшій по своему качеству. Лѣвую сторону долины скорѣе можно назвать царствомъ лѣса. Широкою полосою покрываетъ онъ уступы горъ, а за селеніемъ Гавазы спускается и въ долину, гдѣ образуетъ сплошныя чащи орѣха, дуба, ясеня и другихъ цѣнныхъ породъ деревьевъ и служитъ жилищемъ оленя, кабана, рыси, дикой кошки и пантеры.

По этой общей конфигураціи долины можно видѣть, что Кахетія составляетъ такой естественный географическій особнякъ, которому лучше всего соотвѣтствовалъ бы и особнякъ административный; не даромъ и существовало здѣсь въ старину особое кахетинское царство. Алазанская область или губернія, казалось бы, удобнѣе всего могла бы вѣдать и согласовать интересы разноплеменнаго своего населенія — грузинъ, лезгинъ, армянъ и татаръ, — объ этомъ не разъ заходила и рѣчь, а въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, при намѣстничествѣ кн. Барятинскаго, выработанъ былъ и проектъ положенія объ управленіи этой областью; но почему-то, какъ множество и другихъ прекраснѣйшихъ начинаній, онъ канулъ въ Лету, и Кахетія дробится и по сіе время на цѣлую серію различныхъ административныхъ кусочковъ. Въ ней распоряжается и тиф-

лисскій губернаторъ, и начальникъ сѣвернаго Дагестана и губернаторы Елизаветопольскій и Бакинскій. У каждаго изъ нихъ есть тутъ свой кусочекъ, и всякій изъ нихъ дѣйствуетъ по своему личному усмотрѣнію и хотя много разъ сказывалось неудобство такого административнаго дробленія; но мы за частую бываемъ консервативными тамъ именно, гдѣ это совсѣмъ не нужно.

Видъ на Алазанскую долину изъ Телава одинъ изъ прелестнѣйшихъ на Кавказѣ. Въ лѣтнее время, когда южная природа ярко блещетъ своею красою, на него не наглядишься, онъ никогда не прискучиваетъ. Домъ, въ которомъ я жилъ въ шестидесятыхъ годахъ, состоя въ должности телавскаго уѣзднаго начальника, помѣщался подъ такимъ угломъ, что съ широкой его террасы вся долина по направленію къ городу Нухѣ виднѣлась до тѣхъ поръ, пока даль не переходила въ туманъ. Противолежащіе Телаву колоссальные выступы Дагестанскаго хребта рельефно обозначали расположеніе населенныхъ мѣстностей, частію выходящихъ на долину, частію прячущихся за ними, и благодаря этому рельефу, съ террасы моей можно было съ точностью распознать, въ которомъ изъ заалазанскихъ селеній курится синей полоской дымокъ, блещетъ золотистая нива, или бѣлѣется каменная церковь. Напротивъ самаго Телава въ селеніи Греми красовался величественный остовъ древняго храма, разрушеннаго въ XVII столѣтіи персіанами, налѣво отъ него шелъ крутой выступъ, у подножія котораго виднѣлось большое селеніе Шильды, за этимъ выступомъ скрывается еще большее селеніе Кварели, затѣмъ опять выступъ, за нимъ селеніе Гавазы, а рядомъ укрѣпленіе Сацхенисы. Отъ Телава эти два послѣдніе пункта отстояли по прямому направленію не менѣе какъ на пятьдесятъ верстъ, и тутъ была граница моего уѣзда. За нею шелъ уже Сѣверный Дагестанъ и входившій въ него Закатальскій округъ. Но и за этой пограничной чертой, въ ясный безоблачный день, долину можно было, правда, уже при помощи сильнаго бинокля, распознавать по дальнѣйшимъ на ней горнымъ выступамъ и указать безошибочно, гдѣ лежатъ Лагодехи, штабъ-квартира тифлисскаго полка. Имѣя передъ собою постоянно такую грандіозную панораму, я чрезвычайно любилъ свою террасу, и всякій случайный на ней у меня гость изъ сѣвернаго далека приходилъ отъ нея въ восхищеніе. Въ числѣ такихъ гостей

вспоминаются мнѣ и мастера живописи—Горшильдъ, Лагоріо, Добровольскій, Кореневъ,—набрасывавшіе отсюда свои эскизы.

Начало шестидесятыхъ годовъ было благодатной порой для Кахетіи. Покоренный оружіемъ Дагестанъ замирился, Шамиль проживалъ съ 1859 года почетнымъ плѣнникомъ въ Калугѣ, и, послѣ безпрерывной и вѣковой рѣзни съ лезгинами, грузины вкушали полные миръ и спокойствіе. Но мрачное прошлое не скоро сглаживается изъ памяти людей, его пережившихъ, и разсказы о немъ очевидцевъ были полны тогда еще жизненности.

Съ террасы моей указывали они мнѣ на мѣста, преимущественно служившія театромъ боевыхъ столкновеній съ горцами, опознаваться среди рельефа панорамы было легко, и мнѣ яснымъ становилось, при ихъ разсказѣ, какое значеніе тутъ имѣли лежащія за снѣговою полосою гнѣзда лезгинскихъ обществъ: Дидо, Анцухъ, Капуча, Анкратль, высылавшія изъ своихъ трущобъ по широкимъ ущельямъ—Артанскому, Гремскому, Кварельскому, Бежаніанскому многочисленныя шайки для грабежа, разбоя и разрушенія. Съ этими дикими элементами не могли имѣть мѣста никакіе компромиссы, и спасеніе отъ нихъ давала лишь наша лезгинская кордонная линія, протянутая у подошвы Дагестанскихъ горъ отъ Алванскаго поля до г. Нухи. Она состояла изъ значительнаго числа батальоновъ пѣхоты, артиллерійскихъ батарей, казачьихъ полковъ, мѣстныхъ милицій, и просуществовала двадцать пять лѣтъ въ качествѣ осаднаго аппарата, блокировавшаго со стороны Алазанской долины величайшую и неприступнѣйшую въ мірѣ твердыню—Дагестанъ. При совокупныхъ усиліяхъ этой линіи съ другими военными частями, облегавшими Дагестанъ съ другихъ сторонъ, онъ и сдался послѣ упорнѣйшаго сопротивленія.

Военныя дѣйствія начинались съ весны, и ихъ прекращала только зима, заваливая глубочайшимъ снѣгомъ всѣ выходы изъ горъ; но какъ только весеннее солнце давало опять проталины и по нимъ являлась возможность спускаться на долину, лезгины не заставляли себя ждать и появлялись во множествѣ отдѣльныхъ партій. Милиціи составляли передовую цѣпь кордона, онѣ первыми встрѣчали спускавшихся съ горъ хищниковъ, и если, несмотря на ихъ противодѣйствіе, тѣ все-таки добирались до подошвы горъ, регулярныя войска мѣшали имъ прорываться далѣе, а затѣмъ миновавшіе и эту преграду лезгины натыкались въ долинѣ на поголовно вооруженныя селе-

нія, имѣвшія каждое свою боевую организацію. Чтобы населеніе не могло быть захвачено въ расплохъ, существовали сигналы. На самыхъ вершинахъ стояло нѣсколько башень—Андаразанская, Кодорская, Пахалиставская, Мухахская и др.— на нихъ караулы содержала грузинская пѣшая дружина и слѣдила за каждымъ шагомъ лезгинъ; какъ только замѣчалась спускавшаяся ихъ партія, тотчасъ же на башнѣ зажигались пуки соломы, имъ вторили казачьи вышки на долинѣ, и этимъ способомъ призывалось сельское населеніе и кордонная линія къ тревогѣ. Иллюминація эта повторялась чуть не изо дня въ день и отчетливо виднѣлась изъ Телава. И, несмотря на такую, прекрасно выработанную организацію обороны и постоянную, напряженную бдительность войскъ и населенія, хищникамъ нерѣдко удавалось наносить Кахетіи страшныя бѣдствія.

Набѣги ихъ сопровождались всегда рѣзней, доходившей до ужаснаго звѣрства. Лезгинъ глядѣлъ на грузина, какъ на поганаго, нечистаго — гяура, уничтоженіе котораго считалъ за подвижничество, ведущее его прямо въ рай Магомета, а трупы убитыхъ враговъ подвергались имъ возмутительному поруганію. Въ плѣнъ брались только солдаты и маленькія дѣти, за первыхъ получался выкупъ, а послѣднихъ лезгины обрѣзывали, обращали въ исламъ, выращивали и восполняли ими убыль въ своихъ рядахъ. Щадили они изъ грузинъ только тѣхъ, которые извѣстны были своимъ достаткомъ; ихъ сажали на цѣпь, въ яму, и томили тамъ неволею, пока не получали большаго выкупа. Такъ протомился у нихъ нѣсколько лѣтъ князь Илья Дмитріевичъ Орбеліани, впослѣдствіи извѣстный герой Крымской войны. Попался имъ однажды пріѣхавшій изъ Петербурга лейбъ-гусарскій поручикъ А* (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта), и они продержали его съ полгода въ ямѣ, пока богатые его родители не внесли за него выкупъ, состоявшій изъ мѣшка золота, равнявшагося горской рубашкѣ, а за княгинь Чавчавадзе и Орбеліани съ дѣтьми Шамиль тогда только согласился взять 40 тыс. руб., когда вернули ему его сына. Но все это были исключенія, а большею частью грузинъ рѣзали безъ пощады и отсѣкали у нихъ кисти правой руки, которыми, какъ трофеями, украшали свои сакли. Тотъ же ужасный обычай практиковался и горнымъ грузинскимъ племенемъ — тушинами. У посѣдѣвшаго въ бояхъ героя ихъ,

знаменитаго Шете, на саклѣ насчитывалось, говорятъ, до 800 рукъ лезгинскихъ.

Лѣтомъ войска кордонной линіи дѣлали иногда наступленія въ горы для наказанія хищническихъ обществъ. Впереди экспедиціонной колонны шла обыкновенно грузинская дружина, отличавшаяся своей привычкой къ горнымъ тропинкамъ и кручамъ. Впрочемъ, эти лѣтнія экспедиціи были лишь палліативами; войска разрушали пустые аулы, горцы всегда успѣвали уходить изъ нихъ заблаговременно и прятались въ неприступныхъ и имъ однимъ извѣстныхъ трущобахъ; угонялся только ихъ скотъ и брались въ плѣнъ случайно попадавшіеся въ наши руки пастухи, а иногда и дѣти. Тѣмъ все и ограничивалось. Наступало затѣмъ нѣкоторое затишье, горцамъ, вернувшимся въ свои разрушенные аулы, требовалось время для починокъ, набѣги ихъ пріостанавливались, но не надолго и прекратить ихъ совсѣмъ было этимъ способомъ немыслимо.

Но, кромѣ этихъ горныхъ трущобъ Дагестана, безпощадно угнетавшихъ Кахетію, въ самой Алазанской долинѣ расположено было столь же враждебное грузинамъ населеніе Закатальскаго округа, состоящее тоже изъ лезгинъ, спустившихся сюда съ горъ два съ половиной вѣка тому назадъ и съ тѣхъ поръ здѣсь укоренившихся. Событіе это имѣло роковое значеніе не только для одной Кахетіи, но и для всего грузинскаго царства, и случилось въ 1617 году, когда въ Персіи царствовалъ знаменитый въ лѣтописяхъ Востока, Шахъ-Абассъ. Онъ давно добирался до Грузіи, переставшей платить дань еще при его предмѣстникахъ. Собравъ огромныя полчища и войдя въ союзъ съ дагестанскими лезгинами, одновременно съ ними сдѣлалъ онъ нашествіе на Алазанскую долину, и до такой степени опустошилъ ее, что кахетинскій царь Теймуразъ долженъ былъ бѣжать изъ разрушенной столицы своей, Греми, и искать спасенія въ неприступныхъ горахъ Тушетіи. Отсюда послалъ онъ къ Московскому царю Михаилу Ѳедоровичу посольство, прося его защиты. Значительная часть населенія Алазанской долины была уведена Шахъ-Абассомъ въ плѣнъ, а спустившіеся съ горъ по Мухахскому ущелью лезгины заняли лучшую часть долины и навсегда свили себѣ тутъ два гнѣзда — въ Джарахъ и Белоканахъ. Съ тѣхъ поръ, среди искони христіанскаго населенія Кахетіи, внѣдрилось мусульманство и начало насильственное обращеніе его въ исламъ, а внутренніе раздоры царей кахетинскаго, карталинскаго и

имеретинскаго шли только лезгинамъ въ руку. Враждующіе между собою цари приглашали ихъ каждый, въ свою очередь, къ себѣ на подмогу, и такимъ образомъ отдавали имъ свою несчастную родину въ жертву. Это-то и повело къ окончательному разложенію грузинскаго царства.

Не вдаваясь въ подробности скорбной его исторіи и того, какъ мы спасли остатки единовѣрнаго намъ грузинскаго народа отъ полнаго исчезновенія, какъ джарскіе лезгины съ Омаръ-ханомъ аварскимъ во главѣ пытались препятствовать нашему водворенію въ Грузіи, какъ жестоко за то были наказаны генералами Лазаревымъ и Гуляковымъ, какъ затѣмъ, въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ приходилось намъ смирять ихъ, а въ 1830 году заложить въ землѣ ихъ и нашу крѣпость Закаталы, мы скажемъ одно только, что до 1859 года, т. е. до покоренія Дагестана, джарскіе лезгины постоянно служили и „нашимъ и вашимъ“, передъ нами наружно смирялись, усердствуя въ то же время Шамилю, и натравляли дидойцевъ, капучинцевъ и другихъ трущобниковъ дагестанскихъ на Кахетію.

И вотъ послѣ всѣхъ ужасовъ, слышанныхъ мною отъ очевидцевъ, за покореніемъ Дагестана все тутъ замирилось. Горцы спустились на долину, между ними и грузинами завязались тѣсныя, обоюдно выгодныя, хозяйственныя и промышленныя сношенія, тому же послѣдовали и лезгины Закатальскаго округа, и Кахетія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ стала похожа на страну, возрождающуюся къ новой жизни послѣ потухшаго въ ней наконецъ вулкана, исконно угнетавшаго ея благосостояніе. Моментъ этотъ былъ въ высшей степени интересенъ. Всѣ знали, что вулканъ создавало здѣсь острое проявленіе мусульманскаго религіознаго фанатизма, угнетавшее въ теченіе четверти вѣка, какъ многочисленныя горскія племена, имъ охваченныя, такъ и сосѣднее съ нимъ грузинское, живущее въ долинѣ, а когда вдругъ все стихло, невольно рождался вопросъ: навсегда ли потухъ здѣсь этотъ вулканъ, или таящіяся въ немъ разрушительныя силы проявятъ себя еще въ будущемъ?—Отвѣтъ на него, конечно, могла дать только сама жизнь. Оружіемъ заставили мы смириться горцевъ, имъ только затушили вулканъ, и затѣмъ намъ предлежала задача упрочить этотъ, дорогою цѣною обошедшійся намъ, результатъ такимъ управленіемъ, которое устранило бы всякіе волканическіе рецидивы.

Объ эту-то именно пору намъ лично и привелось прове-

сти почти четыре года въ Кахетіи, быть въ ней земскимъ дѣятелемъ, а потому чтобы показать, насколько правительственная программа соотвѣтствовала мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ этого края, мы сочли не лишеннымъ интереса, сдѣлавъ очеркъ состава и характера населенія, разсказать и все происходившее тутъ на нашихъ глазахъ, за этотъ періодъ времени.

ГЛАВА II.

Подготовка къ крестьянской реформѣ въ Закавказьи, начатая кн. Барятинскимъ. Отъѣздъ его заграницу. Экономическій бытъ кахетинскаго дворянства. Цинандалъ его, владѣлецъ кн. Давидъ Чавчавадзе. Характеристика средняго дворянства.

Назначенъ былъ я на должность Телавскаго уѣзднаго начальника въ 1861 году, по указанію самого намѣстника, князя А. И. Барятинскаго, лично меня знавшаго. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, совершилась во внутреннихъ губерніяхъ великая реформа освобожденія крестьянъ, и Тифлисская губернія стояла въ Закавказьи на первой къ ней очереди. Князь Барятинскій всецѣло отдался заботамъ о наилучшемъ устройствѣ этого дѣла, составилъ общій его планъ и готовился приступить къ его осуществленію, какъ тяжкая и продолжительная болѣзнь заставила князя уѣхать лѣчиться заграницу. И не менѣе того, живя въ Дрезденѣ, онъ и оттуда слѣдилъ за ходомъ этого дѣла и поручилъ его личному руководству начальника Главнаго Управленія, своему старинному другу А. Ф. Крузенштерну.

Населеніе Телавскаго уѣзда, доходившее до 45.000 душъ, состояло изъ помѣщиковъ, князей и дворянъ съ ихъ подвластными крестьянами и крестьянъ казенныхъ и церковныхъ. Въ общемъ дворянство было мелкопомѣстнымъ, имѣнія его оставались преимущественно въ нераздѣльномъ владѣніи цѣлыхъ фамилій, и хозяйство держалось главнымъ образомъ на винодѣліи. Крестьяне обязаны были платить господамъ извѣстную часть урожая съ вина, хлѣба и отбывать издѣльную повинность, которая и давала возможность помѣщикамъ обработывать свои сады и поля. По большей части этихъ рукъ недоставало помѣ-

щикамъ, и они находили ихъ среди значительнаго контингента имеретинъ и мингрельцевъ, постоянно идущихъ въ Кахетію на заработки, такъ что вольнонаемный трудъ давно уже получилъ здѣсь примѣненіе. Виноградный садъ—доходная статья хозяйства; десятина виноградника даетъ отъ 200 до 1000 р. доходу, но развести садъ, ухаживать за нимъ и поддерживать въ надлежащей исправности—дѣло нелегкое; владѣлецъ сада въ 10 десятинъ считался уже здѣсь хорошимъ хозяиномъ. При такихъ условіяхъ помѣщичьяго хозяйства, требовавшихъ не малыхъ усилій, общій строй отношеній господъ къ ихъ крестьянамъ былъ, за немногими исключеніями, удовлетворителенъ.

Внуки и правнуки тѣхъ грузинъ, которыхъ мы застали въ 1801 году, дворяне, значительно опередили своихъ предковъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матерьяльномъ отношеніи, и за шестьдесятъ лѣтъ слитія своей родины съ Россіей, выработали себѣ много уже прекрасныхъ традицій. Кромѣ такихъ знаменитыхъ людей, какъ князья Циціановъ и Багратіонъ, фамиліи Эристовыхъ, Орбеліановыхъ, Чавчавадзевыхъ и друг., дали намъ не мало выдающихся дѣятелей на военномъ и гражданскомъ поприщахъ, все это подняло духъ мѣстнаго дворянства, а князь Воронцовъ за девятилѣтнее свое намѣстничество сумѣлъ еще болѣе подвинуть его къ лучшему. Въ Телавскомъ уѣздѣ жили по правую сторону Алазани фамиліи князей Эристовыхъ, Макаевыхъ, Корчибашевыхъ, Тусіевыхъ, Вахваховыхъ, Кабуловыхъ, Чавчавадзевыхъ, Джандіеровыхъ, дворянъ Мгалобеловыхъ, Андрониковыхъ, Мегвинетхуцесовыхъ; по лѣвую сторону—князья Караловы, Джорджадзевы, Гургенидзевы, Чавчавадзевы. Все это были многочисленныя фамиліи, владѣвшія довольно значительнымъ числомъ дымовъ крѣпостныхъ. Издавна тревожное положеніе ихъ родины привлекало ихъ исключительно къ военной службѣ, если не въ строю, то въ милиціи, и въ Телавскомъ уѣздѣ, послѣ его замиренія, жило нѣсколько заслуженныхъ отставныхъ генераловъ. Всѣ дворяне безъ исключенія говорили по-русски свободно, большая часть изъ нихъ училась въ корпусахъ и въ гимназіяхъ, и, попадая въ кружокъ кахетинскихъ помѣщиковъ, всякій русскій чувствовалъ себя дома.

Но военное ремесло вообще не совсѣмъ улаживается и соединяется съ способностію вести въ строгомъ порядкѣ свое хозяйство, оно дѣлаетъ человѣка скорѣе безпечнымъ къ мате-

рьяльнымъ интересамъ и съ этой стороны кахетинцы, по своей широкой натурѣ и традиціонному гостепріимству, порядочно хромали. Мало кто изъ нихъ берегъ свое добро, большая часть готова была со всякимъ хорошимъ пріятелемъ подѣлиться своей рубашкой, потомъ же и любили они свои пиры, на которыхъ выпивалось невѣроятное количество непокупнаго превосходнаго вина. Частые съѣзды по случаю семейныхъ праздниковъ, веселая бесѣда, танцы молодежи, чунгури, дайра, зурна, сазандаръ,—всѣмъ этимъ наполнялось ихъ досужество и вошло въ привычку со временъ недавней еще безпрерывной тревоги, когда никто не зналъ, что его ожидаетъ завтра. Миновала эта полоса, и наступила новая, мирная, въ которой вопросъ о хозяйствѣ выступилъ на первую очередь, и нельзя не сознаться, что мало подготовленные къ нему кахетинцы очутились въ положеніи новичковъ, ни къ чему еще не приноровившихся. Пришлось имъ привыкать къ аккуратности, заводить порядки, считать, прятать и беречь деньги, все это не клеилось, оказывалось сухимъ, скучнымъ послѣ блестящаго, широкаго прошлаго и мало кому давалось.

Положеніе такихъ новичковъ-хозяевъ являлось подчасъ трагикомическимъ. Мнѣ свѣжо припоминается среди нихъ одинъ въ высшей степени симпатичный человѣкъ, уѣздный предводитель дворянства, князь Сосо (Іосифъ) Джорджадзе. Одна физіономія его была уже прелестна. Глубокій шрамъ отъ удара лезгинскаго кинжала наискось всего лба краснорѣчиво говорилъ, что Сосо не привыкъ показывать спины непріятелю: темнокаріе, полные ума, доброты и простосердечія, глаза убѣждали всякаго, что на языкѣ этого человѣка лжи не бываетъ, а смѣлая, воинственная осанка и длинные, съ просѣдью, усы дѣлали изъ него красавца. Дворянство не ошиблось, выбравъ его своимъ представителемъ: онъ умно, складно, энергично отстаивалъ какъ интересы его, такъ и своей родины; но у себя въ хозяйствѣ былъ совершеннымъ младенцемъ. По этой части шли про него самые забавные разсказы. Мужики, пользуясь его добродушіемъ, постоянно его надували, ярмяне обсчитывали, сосѣди-пріятели обыгрывали въ карты, къ которымъ у него была страстишка, и благодаря всему этому концы съ концами у него никогда не сводились. Затѣялъ онъ какъ-то перестроивать свой домъ, имѣвшій видъ крѣпости съ двумя башнями, какъ всѣ тогдашніе заалазанскіе дома помѣщиковъ, архитектора не приглашалъ, считая себя самого искуснымъ

водчимъ, и когда второй этажъ подходилъ уже къ карнизу, потолокъ рухнулъ, и вся храмина разсыпалась, какъ карточный домикъ. Къ счастію, самъ онъ съ людьми успѣлъ изъ нея выскочить; но одного рабочаго все-таки немного помяло. О происшествіи узнали сосѣди, пришли навѣстить, очень всѣ смѣялись, кто-то между тѣмъ заложилъ штосъ, и Сосо проигрался съ горя до копѣйки. Потомъ уже общими силами помогли ему справиться съ этой храминой.

Другимъ еще болѣе интереснымъ типомъ неудачника въ хозяйствѣ былъ здѣсь князь Соломонъ Гургенидзе. Когда-то очень зажиточный помѣщикъ и труженикъ, развелъ онъ виноградный садъ на тридцати десятинахъ, самый большой изъ существовавшихъ тогда въ Кахетіи, и разорился спеціально на придумываніи улучшенныхъ способовъ хозяйства и разныхъ изобрѣтеніяхъ, въ видахъ общественной пользы. Я засталъ его уже совсѣмъ бѣднякомъ, жившимъ на хлѣбахъ у своей племянницы; но онъ все-таки не унывалъ, постоянно изобрѣталъ что-нибудь новое, и ни одинъ дворянскій съѣздъ или пріемъ какого-нибудь важнаго лица не обходились безъ того, чтобы Соломонъ не говорилъ на нихъ своего застольнаго спича, непремѣнно на тему объ улучшенныхъ способахъ хозяйства. Спичи эти въ своемъ родѣ были безподобны. Говорилъ онъ ихъ съ одушевленіемъ, апломбомъ, подпускалъ лесть кому слѣдовало и чрезвычайно любилъ дѣлать въ нихъ ссылки на Св. Писаніе и поэму Шота Руставели „Барсову Шкуру“, которую зналъ чуть не наизусть. Въ переводѣ на русскій языкъ, (а Соломонъ имъ владѣлъ съ грѣхомъ пополамъ), эти цитаты особенно выходили курьезными. Когда князь Барятинскій побѣдоносно возвращался съ Гуниба въ Тифлисъ, чрезъ Кахетію, Гургенидзе устроилъ на его пути что-то въ родѣ заставы изъ выставки своихъ сельскихъ произведеній и изобрѣтеній, остановилъ его и сказалъ ему слово, въ которомъ уподобилъ князя Кесарю, возвращавшемуся въ Римъ изъ похода въ Германію, и призывалъ его къ покровительству мѣстной производительности. Князь Барятинскій зналъ его уже давно и съ благосклонной улыбкой благодарилъ за искренность этой манифестаціи.

Главная бѣда кахетинцевъ состояла въ общемъ безденежьи. Все у нихъ было: и вино, и хлѣбъ, и птица, и баранки, и сыръ, да не было *пули* (денегъ), а безъ нихъ въ хозяйствѣ ничего не подѣлаешь, и поневолѣ приходилось обращаться за

ними къ телавскимъ армянамъ—Маркаровымъ, Татузовымъ, Сапаровымъ и другимъ, подобнымъ имъ, благодѣтелямъ. У нихъ деньги всегда готовы, но они ихъ крѣпко, крѣпко держатъ и вынимаютъ изъ своихъ мѣшковъ только на такихъ условіяхъ, отъ которыхъ никому не поздоровится. У нихъ есть свой принципъ, который высказываетъ по-русски армянскимъ жаргономъ, въ популярнѣйшей грузинской комедіи „Раздѣлъ“ кн. Г. Эристова,—армянинъ Микиртумъ Гаспаровичъ:

„Кто на свѣтѣ честна будитъ
Ходитъ будетъ хлѣба гудитъ“.

Иначе сказать „честный человѣкъ будетъ всегда ходить съ сумой“. (*Гуда* по-грузински сума, откуда на языкѣ Микиртума Гаспаровича производное *гудитъ*). Армяне же не желаютъ знаться съ сумой, а потому безъ зазрѣнія совѣсти эксплоатируютъ грузина, да еще иронически о немъ отзываются: „хороши человѣкъ, только башка іохъ“ (т. е. глупъ). Ну, а все-таки кахетинцу не къ кому было обратиться, какъ къ благодѣтелю армяшкѣ, и онъ шелъ къ нему на свое закланіе.

Князь Воронцовъ, съ цѣлью помочь хозяйству дворянъ дешевымъ кредитомъ, учредилъ въ Тифлисѣ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, начавшій выдавать ссуды подъ залогъ имѣній; но эта мѣра оказалась лишь палліативомъ: деньги ушли у заемщиковъ преимущественно на удовольствія, наряды, комфортъ, и армянскій кредитъ опять всплылъ наружу, при худшихъ еще условіяхъ. Благодѣтели стали брать немилосердные проценты, взыскивать ихъ съ безпощадною настойчивостью, это мѣшало помѣщикамъ вносить своевременно проценты въ Приказъ, дѣла ихъ совсѣмъ запутались, имѣнія начали продаваться съ молотка и попадать въ руки тѣхъ же благодѣтелей. Таково было неутѣшительное экономическое положеніе большей части и кахетинскихъ помѣщиковъ, очень симпатичныхъ по своему характеру.

Самымъ крупнымъ изъ нихъ, по своимъ обширнымъ имѣніямъ, былъ владѣлецъ Цинандала, полковникъ флигель-адъютантъ, князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе, внукъ знаменитаго Герсевана, бывшаго посломъ царей грузинскихъ Ираклія II и Георгія XII, при дворахъ Екатерины, Павла и Александра I.

Герсеванъ былъ первымъ губернскимъ предводителемъ Закавказскаго дворянства и, какъ самостоятельный дѣятель въ

присоединеніи своей родины къ единовѣрной ей могущественной державѣ, своимъ руководствомъ и своимъ авторитетомъ, также какъ и образомъ жизни, началъ, такъ сказать, новое воспитаніе роднаго ему дворянства. Его боялись и слушались, и до самой своей смерти, живя преимущественно въ своемъ Цинандалѣ, онъ не переставалъ нести созданныя положеніемъ его обязанности представительства и пользовался огромнымъ вліяніемъ какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и среди своихъ земляковъ. Сынъ его, Александръ, родившійся въ Россіи. воспитанъ былъ уже по-европейски и получилъ прекрасное по тогдашнему времени образованіе. Участникъ отечественной войны, онъ дѣлалъ походъ заграницу и, послѣ этой кампаніи, перешелъ служить въ Закавказье, гдѣ составилъ себѣ видное положеніе, а послѣ смерти своего отца сумѣлъ вполнѣ поддержать авторитетъ своего дома среди мѣстнаго дворянства.

Та же миссія выпала и на долю его сына Давида, юность свою проведшаго въ Москвѣ, кончившаго курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и перешедшаго тоже на службу на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Послѣ смерти отца, онъ также поселился въ Цинандалѣ, женатый уже на свѣтлѣйшей княжнѣ Аннѣ Ильиничнѣ Грузинской, внучкѣ царя Георгія XII, первой когда-то красавицѣ Москвы сороковыхъ годовъ.

Двери Цинандальскаго дома гостепріимно раскрыты были для всѣхъ, онъ былъ немыслимъ безъ гостей и служилъ наилучшимъ центромъ объединенія грузинъ съ русскими, простота же и любезность хозяевъ всѣхъ очаровывали. Кромѣ непокупной въ огромномъ количествѣ провизіи, въ томъ числѣ и лучшаго кахетинскаго вина, Давидъ получалъ денежнаго дохода болѣе 30 т., и всего этого было бы совершенно достаточно какъ поддерживать достоинство своего дома, такъ и прекрасно воспитывать пятерыхъ уже дѣтей, но въ 1854 году, извѣстный всѣмъ эпизодъ набѣга полчищъ Шамиля на Кахетію нанесъ страшный ударъ его состоянію. Семья его была взята въ плѣнъ, гдѣ протомилась слишкомъ восемь мѣсяцевъ, а барская его усадьба разграблена и сожжена.

Въ Цинандальскомъ домѣ Давидъ лишился огромнаго богатства. Обширный, прекрасно выстроенный, онъ полонъ былъ такихъ драгоцѣнныхъ вещей, которыя не покупаются. Строилъ его дѣдъ и помѣстилъ въ немъ массу жалованныхъ ему Екатериною, Павломъ и Александромъ рѣдкостей: мебели, карти-

ны, гобелены, севрскія вазы, серебряные и золотые сервизы, большая библіотека, все это цѣнилось сотнями тысячъ. Истребленъ былъ пожаромъ и прекрасный фруктовый садъ, разводившійся десятками лѣтъ; но въ моментъ катастрофы всѣ эти потери позабывались Давидомъ, въ виду несчастія, постигшаго его семейство. Трудно себѣ представить, сколько терзаній вынесъ онъ за восемь мѣсяцевъ плѣна княгини и дѣтей, постоянно находясь въ тревогѣ за ихъ жизнь.

Эта катастрофа такъ потрясла состояніе его, что онъ никогда не могъ уже поправиться. Цинандальскій домъ не возобновлялся въ прежнемъ видѣ, а вмѣсто него выстроился одноэтажный, длинный съ террасою. Пожалованный во флигель-адъютанты, Давидъ оставилъ строевую службу и хотя сдѣлался деревенскимъ домосѣдомъ, но широкое его гостепріимство и въ деревнѣ, при отсутствіи хорошо организованной администраціи имѣній, вело только къ разоренію. Цѣлый рядъ управляющихъ—русскихъ, армянъ, грузинъ—только самъ у него наживался и обременялъ имѣніе новыми долгами. Неспособный, подобно нѣкоторымъ своимъ землякамъ къ наживѣ разными двухсмысленными путями, начиная съ казнокрадства и кончая содержаніемъ кассы судъ—благородныя традиціи его не допускали до всего этого—Давидъ впалъ въ апатію и какъ бы покорился своей участи; его возмущала необходимость вести дрязги съ сонмомъ своихъ эксплоататоровъ, на хищеніе ихъ онъ закрывалъ глаза, всего себя посвящалъ лишь семьѣ, чтенію, музыкѣ и охотѣ.

Переходя отъ такого крупнаго землевладѣльца, какъ князь Давидъ, къ среднему кахетинскому дворянству, мы можемъ сказать, что жизнь послѣдняго не отличалась разнообразіемъ и наполнялась лишь заботами по обработкѣ виноградныхъ садовъ и сбору съ крестьянъ, установленныхъ обычаемъ, обязательныхъ повинностей и податей. Небогатыми помѣщиками исполнялось все это лично, а кто былъ побогаче, держалъ у себя *моурава* (приказчика), большею частію изъ имеретинъ. Имеретинамъ же отдавали многіе свои сады исполу. Досугъ свой помѣщикъ посвящалъ семьѣ, гостямъ, посѣщенію сосѣдей и родственниковъ, въ особенности въ дни семейныхъ праздниковъ. Княгини и княжны мало касались до хозяйства, занимались преимущественно разными рукодѣльями, были большими въ нихъ мастерицами. Многія любили и чтеніе. Находились и большія начетчицы Священнаго Писанія, хроніко-

новъ, изданныхъ академикомъ Броссе, и произведеній грузинской литературы, какъ древней, такъ и новѣйшей. Въ тѣ времена выходила одна только грузинская газета „Цискари“—заря. Отставные служаки-помѣщики, привыкшіе интересоваться политикой, выписывали не мало русскихъ газетъ и журналовъ. У многихъ были родственныя связи съ лицами высокопоставленными, живущими въ Тифлисѣ, а потому они ѣздили иногда въ эту столицу Кавказа, чтобы показать своихъ дочерей и доставить имъ развлеченіе. Княжны усвоивали тамъ себѣ свѣтскій лоскъ и становились еще болѣе у себя любезными хозяйками. Въ подрастающемъ поколѣніи многіе поступали въ тифлисскія учебныя заведенія: барышни въ институтъ и въ заведеніе св. Нины, мальчики—въ гимназію, откуда направлялись въ Петербургъ и Москву, въ университеты и другія спеціальныя и высшія школы.

Вообще бытъ кахетинскихъ помѣщиковъ, а также и дома, въ которыхъ они жили, во многомъ напоминали собой нашу Малороссію. При всякой усадьбѣ находился фруктовый садъ, непремѣнно передъ домомъ лужокъ, на которомъ разбросано было нѣсколько тѣнистыхъ деревъ, а въ смежности съ усадьбой лежали и виноградные сады. Таковъ былъ прототипъ, только въ миньятюрѣ, и крестьянской усадьбы, селенія растягивались поэтому на очень обширныхъ площадяхъ. Все это лучше всего показывало, что въ странѣ этой существуетъ исключительно хуторное хозяйство, а объ общинномъ не было и рѣчи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Бытъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Кахетіи и ихъ отношенія къ господамъ.—Крестьяне казенные.—Селеніе Гавазы. Приступъ къ разработкѣ крестьянской реформы.—Уѣздные комитеты.—Кн. Н. Ѳ. Ч.—Натянутость отношеній крестьянъ къ господамъ.—Негласность дѣйствій центральнаго комитета.—Неизвѣстность о возвращеніи князя Барятинскаго.

Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ дѣйствительности далеко не было тутъ такъ тягостнымъ, какъ въ Карталиніи и Мингреліи. Правда, обязательный трудъ—три дня въ недѣлю—и обязательныя подати натурою—виномъ и хлѣбомъ—много поглощали ихъ силъ; но за то крестьяне помѣщичьи совершенно

были ограждены отъ непосредственнаго на нихъ давленія армянскаго кредита, опутывавшаго какъ церковныхъ, такъ и казенныхъ крестьянъ. Недавнее прошлое этой страны имѣло могущественное вліяніе на установленіе между господами и ихъ подвластными совершенно особенныхъ отношеній. Не выпуская изъ рукъ своихъ оружія на защиту своей родины, по неволѣ и давно уже побратались они на этомъ, а на вопросы матеріальные смотрѣли спокойно, безъ раздраженія, всегда внимательно обѣ стороны выслушивали другъ друга и охотно шли на обоюдныя уступки. Дворовыхъ людей у помѣщиковъ было очень мало, сравнительно съ нашими, да и тѣхъ преимущественно покупали они изъ Карталиніи. Въ домѣ князя Давида Чавчавадзе, напримѣръ, вся прислуга была наемная и по большей части русская.

Крестьянинъ приходилъ къ барину, какъ къ старшему себя, безъ униженія и низкихъ поклоновъ, говорилъ спокойно, безъ злобы, и тотъ никогда не нарушалъ съ нимъ извѣстнаго такта. Да и нарушать его не было разсчета, на крестьянинѣ всегда висѣлъ кинжалъ, а нырнувъ имъ барина, онъ легко находилъ себѣ убѣжище въ какой-нибудь горной трущобѣ, въ родѣ Дидо или Анцуха, откуда не скоро его добудешь. Убійства помѣщиковъ случались рѣдко; за четырехлѣтнее мое управленіе уѣздомъ, было ихъ только два, и то изъ-за женщинъ.

Между тѣмъ, у крестьянъ существовалъ какой-то свой point d'honneur относительно своихъ господъ. Ѣдетъ, положимъ, баринъ на службу или посылаетъ своего сына учиться, нельзя же отпустить ихъ безъ подмоги, нужно, чтобы они тамъ показались въ хорошемъ видѣ, и крестьяне сами, безъ всякаго принужденія, являлись съ своею лептою. Такъ что крестьянской реформѣ оставалось тутъ установить лишь точную мѣру податей и надѣла землею.

Казенныхъ или государственныхъ крестьянъ насчитывалось въ уѣздѣ тысячъ до десяти. По особому положенію для закавказскаго края, уѣздный начальникъ былъ въ то же время и попечителемъ надъ крестьянами государственныхъ имуществъ, и мой предмѣстникъ, графъ Е. И. Комаровскій, управлявшій уѣздомъ въ теченіе трехъ лѣтъ, очень усердно и съ большою пользою занялся сельскимъ ихъ управленіемъ. Онъ ввелъ запасные магазины, судъ стариковъ, равномѣрную, по состоятельности, раскладку податей, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и школы съ обученіемъ русскому языку, которое взяли на себя

сельскіе священники. Крестьяне все это охотно себѣ усвоили, и мнѣ оставалось только поддерживать эти порядки.

Народъ кахетинскій вообще трудолюбивый, но мало подвижный, лишенный той предпріимчивости, которою такъ отличаются имеретины и, въ особенности, мингрельцы. Кахетинецъ чрезвычайно честный и добродушный, но такой же апатичный, какъ русскій хохолъ; женщины отличаются высокой нравственностью и большія рукодѣльницы, а въ заалазанскихъ деревняхъ онѣ усердно занимаются шелководствомъ.

Изъ казенныхъ селеній выдавалось особеннымъ своимъ характеромъ—Верхніе Гавазы, съ населеніемъ болѣе 1.000 душъ. Лѣтъ за 20 передъ покореніемъ Кавказа оно было образовано въ стратегическихъ видахъ, въ Бежаніанскомъ ущельи, какъ оплотъ противъ спускавшихся тутъ съ горъ лезгинъ, и населили его пришлецы изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно же имеретины. Село сформировалось очень бойкое, и въ немъ было нѣсколько и русскихъ пришлецовъ изъ внутреннихъ губерній, о происхожденіи которыхъ мы не дознавались, такъ какъ за ними на мѣстѣ ничего дурнаго не замѣчалось. Пріѣхавъ въ первый разъ въ Гавазы, я приказалъ собрать сходъ. Зная по-грузински на столько, что все отчетливо понималъ, я однако же говорилъ не иначе, какъ черезъ переводчика, и бесѣда пошла этимъ путемъ. У Верхнихъ Гавазъ шелъ споръ о виноградныхъ садахъ съ Нижними Гавазами, и онъ составилъ тему разговора. Говорили многіе, и въ особенности очень толково одинъ крестьянинъ, лѣтъ сорока, средняго роста, блондинъ. Я былъ увѣренъ, что это имеретинъ, и спросилъ его фамилію, на что̀ получилъ отвѣтъ:

— Поповъ.

— Какъ Поповъ? да кто же ты такой?

— Русскій, отвѣтилъ онъ мнѣ на родномъ языкѣ.

— Откуда же ты и какъ сюда попалъ?

— Я, ваше в-діе, изъ Саратова и живу здѣсь уже десятый годъ.

— Ну и хорошо живешь?

— Нельзя жаловаться, ваше в-діе, женился на здѣшней, дѣти есть.

— Чѣмъ же ты занимаешься?

— Садъ имѣю, скотинку, а больше занимаюсь рыболовствомъ на Алазани.

И послѣ этого перваго знакомства, пріѣзжая въ Гавазы, я

всегда требовалъ Попова. Разсказываю этотъ, къ сожалѣнію, рѣдкій случай водворенія русскаго человѣка въ средѣ грузинскихъ крестьянъ, показывающій только, что при поощреніи такого водворенія, переселенцамъ нашимъ не приходилось бы, быть можетъ, мыкаться изъ стороны въ сторону по Кавказу, не находя, гдѣ преклонить голову, какъ это видимъ мы теперь.

Центральный комитетъ по крестьянскому дѣлу, учрежденный кн. Барятинскимъ въ Тифлисѣ, подъ предсѣдательствомъ А. Ф. Крузенштерна, сидѣлъ послѣ отъѣзда князя не совсѣмъ сложа руки. По указанію его онъ поручилъ тифлисскому губернатору Орловскому организовать уѣздные дворянскіе комитеты, на которые предполагалось возложить предварительную разработку общихъ основаній для мѣстнаго положенія. Губернаторъ же порученіе это, въ свою очередь, возложилъ на уѣздныхъ начальниковъ.

Исконныя отношенія господъ къ крестьянамъ въ Закавказьи не имѣли ничего общаго съ крѣпостнымъ правомъ русскимъ. Власть помѣщичья здѣсь поддерживалась исключительно властью административною, много разъ заходила рѣчь о составленіи инвентарей, но эта мѣра всегда подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ отклонялась дворянствомъ, и правительство, строго говоря, не имѣло никакихъ положительныхъ, приведенныхъ въ порядокъ, данныхъ объ обязанностяхъ крестьянскихъ, установленныхъ обычаемъ. Поэтому, при освобожденіи ихъ, оно находилось совершенно въ потемкахъ относительно того, чѣмъ собственно возможно улучшить бытъ крестьянскій. Центральному комитету нужно было, прежде всего, привести въ извѣстность изъ-подъ наслоенія разныхъ правительственныхъ циркуляровъ (вгонявшихъ во что бы то ни стало мѣстное положеніе крестьянъ въ русское крѣпостное)— существовавшее въ старину коренное обычное право, которымъ и должны были регулироваться отношенія господъ къ крестьянамъ. Эта детальная работа ближе всего могла войти въ сферу дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ, созвать которые поручалось уѣзднымъ начальникамъ. Но программа эта встрѣтила глухую оппозицію. Крузенштернъ былъ чрезвычайно мягкій, уступчивый человѣкъ, губернаторъ, г. Орловскій, уклончивый, избѣгающій всякой отвѣтственности, организацію комитетовъ свалилъ, какъ мы уже сказали, на уѣздныхъ начальниковъ, а между тѣмъ, въ томъ же Тифлисѣ, образовался

изъ нѣкоторыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, занимающихъ видныя служебныя положенія—особый, негласный комитетъ, который находилъ, что дворянству гораздо выгоднѣе держать правительство въ темнотѣ относительно коренныхъ крестьянскихъ обязанностей, установленныхъ мѣстнымъ обычаемъ, и направить его этимъ путемъ къ введенію русскаго Положенія 19 февраля, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями. Лучшаго нельзя было желать тифлисскому дворянству, по мнѣнію негласнаго комитета, и онъ рѣшилъ мѣшать всѣми способами организаціи и дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ.

Между тѣмъ съѣзды уже начались, и на нихъ пошли одушевленныя пренія. Дворянство, по большей части бѣдное, не только не сочувствовало этой реформѣ, но иначе не понимало ее, какъ за величайшую для себя несправедливость. „Хотятъ насъ обобрать, говорило оно, пустить по міру“. Всѣ новаторы и защитники реформы считались предателями, закупленными правительствомъ, и дебаты съ ними доходили до выхватыванія кинжаловъ. Не присутствуя на нихъ, я, по вечерамъ, принималъ у себя съѣхавшихся въ Телавъ дворянъ, и у меня происходило повтореніе утреннихъ разговоровъ, только въ болѣе спокойномъ тонѣ. По счастію, пріѣхалъ ко мнѣ въ это время изъ Тифлиса погостить М. П. Колюбакинъ, бывшій когда-то тамошнимъ вице-губернаторомъ, и пользовавшійся общимъ уваженіемъ и довѣріемъ; бывалъ у меня Давидъ Чавчавадзе и уѣздный предводитель дворянства, Сосо Джорджадзе, и мы совокупными усиліями достигли того, что въ сознаніе самыхъ упорнѣйшихъ защитниковъ батонкмобы, т. е. господчины, стала входить непреложность реформы; они поняли, что тутъ ничего уже не подѣлаешь крикомъ и шумомъ и надо заняться составленіемъ того матеріала, который необходимъ правительству для наилучшаго устройства дѣла. Составилась намп и программа вопросовъ, предлежащихъ обсужденію комитета, дѣло пошло, какъ слѣдовало желать. Но негласный комитетъ въ Тифлисѣ не дремалъ и, узнавъ, что въ Телавѣ идетъ все на ладъ, выслалъ отъ себя сюда своего агента, князя Н. Ѳ. Ч., имѣвшаго землю въ этомъ уѣздѣ, съ порученіемъ сорвать, что называется, уѣздный съѣздъ, какъ когда-то практиковалось то на польскихъ сеймикахъ. Князя Ч. я совсѣмъ тогда не зналъ, не подозрѣвалъ, насколько онъ можетъ помѣшать дѣлу, и убѣдился въ томъ только, когда онъ въ 2—3 дня всѣхъ между собою перессорилъ, дѣло перепуталъ и довелъ дебаты до такого скандала, что Давидъ Чавча-

вадзе и Сосо Джорджадзе должны были уйти изъ собранія, уѣхать къ себѣ по домамъ, а за ними разъѣхались и всѣ дворяне, ничѣмъ не покончивъ. Этого только и домогался негласный комитетъ въ Тифлисѣ, собрать снова уѣздные комитеты было почти уже невозможно, о чемъ губернаторъ и поспѣшилъ донести Центральному Комитету, который и приступилъ къ примѣненію Положенія 19 февраля къ Тифлисской губерніи, рѣшивъ въ случаѣ необходимости вызывать къ себѣ экспертовъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, для различныхъ разъясненій. Словомъ сказать, дѣло это рѣшилось здѣсь совершенно теоретически и дало тѣ же результаты, что и у насъ, т. е. разъединило на всегда два сословія—дворянство и крестьянъ—связанныя между собою исторически создавшимися политическими и этнографическими условіями ихъ многострадальной родины. Будущее и показало недальновидность этой группы воротилъ, засѣдавшихъ въ негласномъ комитетѣ [1]).

Скандалъ, учиненный Ч., не обошелся безъ того, чтобы не отразиться въ средѣ крестьянской особымъ его истолкованіемъ. Тамъ поняли это дѣло такъ, что помѣщики не хотятъ давать имъ свободу, что они запугали начальство, и то пошло уже на попятный. Но они знаютъ, что имъ дѣлать и кому жаловаться.—„Царю приказалъ Наполеонъ, разбивъ его въ Крыму, освободить всѣхъ у себя крестьянъ, Царь это и сдѣлалъ ужь въ Россіи, а если у насъ не сдѣлаетъ того же,

[1]) Не будь князь Барятинскій въ отсутствіи, этого конечно не случилось бы. Въ этомъ лучше всего можетъ убѣдить взглядъ его на крестьянское дѣло въ Грузіи, высказанный имъ въ письмѣ къ в. кн. Константину Николаевичу 20 фев. 1859 г. (Рус. Арх. 1889 г. кн. 2). „Крѣпостное право въ Грузіи“, говоритъ онъ, „имѣетъ отдѣльный характеръ, несходный съ тѣмъ, какой существуетъ въ Россіи. Этотъ особенный характеръ происходитъ сколько отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, столько же и отъ самой природы страны, представляющей совершенно различные виды положенія помѣщиковъ, крестьянъ и самаго свойства земледѣльческаго труда. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимо устранить всякую поспѣшность, чтобы не допустить, съ одной стороны, ущерба помѣщичьихъ интересовъ, а съ другой — мѣропріятій по улучшенію быта крестьянъ, противныхъ коренному духу народа“. — Князю Барятинскому принадлежала мысль созванія уѣздныхъ комитетовъ, и будь онъ въ Тифлисѣ, губернаторъ не осмѣлился бы сваливать это дѣло на уѣздныхъ начальниковъ и дать скомкать прекрасное начинаніе какому-то негласному комитету въ Тифлисѣ. Крузенштернъ былъ чрезчуръ мягкій человѣкъ и легко поддавался вліянію нѣкоторыхъ тогдашнихъ воротилъ.

то мы и пошлемъ жалобу Наполеону; если же и это не поможетъ, то сами расправимся съ господами". Откуда шла подобная фабула о Наполеонѣ, я никакъ не могъ добиться, и мнѣ осталось только просить предводителя дворянства, чтобы онъ увѣщевалъ дворянъ избѣгать всякихъ острыхъ столкновеній съ крестьянами и больше всего воздерживаться отъ шумныхъ въ присутствіи ихъ дебатовъ на тему объ эмансипаціи. Успѣлъ я надзоръ за дѣйствіями какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ и къ прискорбію своему видѣлъ, что отношенія ихъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отзывались нетерпѣливостью и раздражительностью, чему не мало способствовала негласность дѣйствій Центральнаго Комитета. Тамъ все дѣло попало въ руки сенатора князя Мухранскаго, приглашавшаго иногда экспертовъ по отдѣльнымъ какимъ-нибудь вопросамъ, но изъ этихъ частностей ни дворянство, ни крестьяне не могли составить себѣ ничего яснаго о ходѣ своего дѣла, и это нарушало мирное ихъ согласіе. Крестьяне составляли себѣ преувеличенное понятіе о томъ, что ихъ ожидало, а помѣщики съ особенной ревностью стали требовать охраненія ихъ господскаго положенія.

Двухлѣтнее пребываніе кн. Барятинскаго заграницей, толки о томъ, что онъ не вернется, о назначеніи на его мѣсто разныхъ лицъ,—все это вліяло на общее теченіе всѣхъ дѣлъ и чувствительнѣе всего отзывалось въ уѣздѣ по крестьянскому вопросу.

Таково было положеніе вещей въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Телавскомъ уѣздѣ, а почти то же происходило и въ сосѣднемъ съ нимъ, Сигнахскомъ; тогда какъ въ соприкасающемся съ ними Закатальскомъ округѣ, лежащемъ по лѣвую сторону Алазани, совершалось что-то совсѣмъ иное, наводящее на размышленіе.

ГЛАВА IV.

Положеніе объ управленіи горскими народами, примѣненное къ сѣверному Дагестану.—Личный составъ управленія.—Кн. Шаликовъ и кн. Т.—Отзывы объ управленіи людей, близко знавшихъ край.—Назначеніе намѣстникомъ вел. кн. Михаила Николаевича.—Пріѣздъ его въ Тифлисъ.—Отрадное впечатлѣніе, произведенное имъ на весь край.

Послѣ плѣненія Шамиля и занятія нашими войсками всего Дагестана, намъ пришлось тотчасъ же озаботиться созданіемъ и введеніемъ въ этомъ краѣ такого нашего управленія, которое было бы согласовано съ мѣстными особенностями, обычаями и характеромъ туземнаго населенія горцевъ-мусульманъ, и мы воспользовались при этомъ готовыми Положеніями, выработанными по мысли кн. Барятинскаго и введенными уже въ Чечнѣ и Осетіи. Дагестанъ подчинился одному главному военному начальнику, на правахъ генералъ-губернатора и раздѣлился на нѣсколько отдѣловъ. Въ каждомъ отдѣлѣ, управляемомъ начальникомъ, приравненнымъ къ военному губернатору, находилось нѣсколько округовъ или отдѣльныхъ горскихъ обществъ; начальниками округовъ и ихъ помощниками-приставами назначались военные офицеры, и имъ подчинялись туземные старшины обществъ и селеній—наибы, въ числѣ которыхъ очень многіе оставлены были, находившіеся на этихъ должностяхъ еще при Шамилѣ. Таковыми, напр., въ сѣверномъ Дагестанѣ были наибы, въ Дидо-Джабо, въ Анцухѣ-Шао, въ Капучѣ-Хизри, въ Анкратлѣ-Бакракъ-Али и т. д. При такой административной организаціи, судъ въ низшей своей инстанціи, вѣдался Джааматомъ, народнымъ собраніемъ, которое въ рѣшеніяхъ своихъ не стѣснялось шаріатомъ, религіознымъ мусульманскимъ законодательствомъ, а судило по адату, т.-е. по обычному праву и по убѣжденіямъ своей совѣсти. Преніями въ Джаматѣ руководили старики, выбранные самимъ народомъ изъ лицъ почетныхъ, домохозяевъ. Второю инстанціею былъ судъ опять же изъ выборныхъ лицъ, въ томъ числѣ и муллъ, подъ предсѣдательствомъ окружнаго начальника, и третьею окончательною инстанціею являлся самъ начальникъ отдѣла.

При такихъ условіяхъ чрезвычайно важною становилась должность окружнаго начальника, заключавшая въ себѣ функціи судебную, административную и полицейскую. Онъ долженъ былъ править народомъ, входить во всѣ мельчайшія подроб-

ности его была, предупреждать развитіе всякаго зла и безпорядка, ограждать личность и имущество каждаго отъ насилія, строго контролировать подчиненныхъ ему агентовъ, а въ то же время и имѣть наблюденіе надъ правильностью дѣйствій Джаамата. Въ случаѣ необходимости, онъ имѣлъ право требовать содѣйствія войскъ, расположенныхъ въ чертѣ его управленія. Словомъ, окружный начальникъ являлся самымъ существеннымъ помощникомъ начальника отдѣла, его правою рукою.

Занятый своимъ уѣздомъ, иногда заглядывалъ и за черту его. Рядомъ съ селеніемъ Гавазами, какъ я сказалъ уже, стояло укрѣпленіе Сацхенисы, а въ немъ находились линейный батальонъ и резиденція начальника сѣвернаго Дагестана, князя Семена Осиповича Шаликова, которому подчинены были горскія общества и Закатальскій округъ. Многіе считали князя не болѣе какъ за чудака и святошу, но познакомившись съ нимъ довольно близко, я нашелъ въ немъ человѣка, съ рѣдкой добросовѣстностью, доходившею до увлеченія, относившагося къ своему дѣлу правителя мусульманскимъ населеніемъ. Боевой офицеръ, съ Георгіемъ на груди, онъ всю службу свою провелъ въ Дагестанѣ, основательно изучилъ бытъ его населенія, свободно владѣлъ нѣсколькими мѣстными діалектами и съ 1859 г., т.-е. со дня замиренія восточнаго Кавказа, управлялъ сѣвернымъ отдѣломъ этого края. При замѣчательной мягкости и гуманности своего характера и благодаря долгому общенію съ мусульманской средой, онъ выработалъ въ себѣ особое къ ней уваженіе. Самъ набожный, строгій постникъ и точный исполнитель церковныхъ уставовъ, за что, кажется, и считали его чудакомъ, онъ особенно высоко цѣнилъ религіозную строгость мусульманъ. Это доходило у него до опоэтизированія добродѣтелей племенъ, имъ управляемыхъ, онъ видѣлъ въ нихъ одну лишь хорошую ихъ сторону, а недостатки всегда старался оправдывать различными смягчающими обстоятельствами.

Закатальскій окружной начальникъ князь Т., его подчиненный, составлялъ съ нимъ совершеннѣйшій контрастъ: ловкій, практическій человѣкъ, онъ далекъ былъ отъ идеальнаго направленія своего начальника, смѣялся надъ нимъ и до такой степени не позабывалъ своихъ матеріальныхъ интересовъ, что объ этомъ открыто всѣ говорили. Шаликовъ зналъ продѣлки Т., но долженъ былъ поневолѣ ихъ терпѣть, благодаря сильной поддержкѣ того въ Тифлисѣ. Само собою разумѣется, что

подобная дисгармонія между администраторами не могла не отзываться неблагопріятно на ходѣ дѣлъ.

Шаликовъ въ особенности сблизился со мною послѣ одного случая съ проживавшею въ моемъ уѣздѣ молоденькой лезгинкой, взятой совсѣмъ еще ребенкомъ въ плѣнъ нашими войсками и усыновленною княземъ Макаевымъ. Братья ея пришли къ ней послѣ замиренія, начали звать ее домой, помѣщикъ и сельскій священникъ стали въ тупикъ: „какъ возвращать мусульманамъ крещеную уже дѣвушку". Дошло дѣло до меня. Позвалъ я къ себѣ братьевъ, вызвалъ и дѣвушку, лѣтъ уже 15-ти, и тогда произошла въ моемъ кабинетѣ, хотя и нѣмая, но самая краснорѣчивая сцена. Лезгинка бросилась въ объятія своихъ братьевъ, разрыдалась и заявила, что она съ ними не разлучится. Конечно, послѣ того нечего было задумываться, и я отпустилъ ее въ родныя ей горы. Шаликовъ за это одно сдѣлался моимъ пріятелемъ.

„Вы не знаете сами", говорилъ онъ мнѣ при свиданіи, „какое вы сдѣлали великое дѣло. Объ васъ говорятъ теперь мои горцы. Только такими дѣйствіями и можно привлечь къ нашему отечеству ихъ чистыя и простыя сердца. Вотъ настоящій способъ для полнаго ихъ покоренія".

Почти всякій разъ, какъ я у него бывалъ, въ залѣ и кабинетѣ его, находилъ пріѣзжихъ горцевъ, онъ меня съ ними знакомилъ, посвящалъ въ ихъ дѣла, спрашивалъ моего мнѣнія. Однажды представилъ онъ мнѣ сурмужскаго наиба, Хаджи Муртуза, красивой наружности, лѣтъ 40 горца, и отозвался о немъ съ большой похвалой. Зеленый тюрбанъ на папахѣ, означавшій паломничество въ Мекку, говорилъ о его набожности.

Шаликовъ откровенно высказывалъ мнѣ неудовольствіе на кн. Т.: „жду не дождусь князя Барятинскаго, чтобы лично просить его о замѣнѣ Т. другимъ лицомъ. Братья его сильные люди,—одинъ, начальникъ дивизіи, другой губернаторъ—онъ ими и держится; но я больше не могу выносить его корыстныхъ продѣлокъ, и если моя просьба не будетъ уважена, самъ выйду въ отставку. Довольно послужилъ".

Вообще, несмотря на оноэтизированіе свое любимыхъ имъ лезгинъ, онъ далеко не былъ доволенъ ходомъ дѣлъ въ своемъ управленіи и думалъ поправить его собственнымъ сближеніемъ съ муллами и наибами, лицами вліятельными въ народѣ. Опираясь на нихъ и довѣряя личной ихъ къ себѣ преданности,

онъ надѣялся этимъ путемъ быть все-таки въ курсѣ всего, что творилось въ замкнутомъ, мусульманскомъ мірѣ, имъ управляемомъ, для того чтобы не быть захваченнымъ въ расплохъ, какими-либо безпорядками, даже частнаго свойства, возможность которыхъ не отрицалъ.

Между тѣмъ находились люди, знавшіе близко характеръ населенія сѣвернаго Дагестана и личный составъ управленія, которые глядѣли на все происходившее тамъ не въ розовомъ свѣтѣ. По мнѣнію ихъ, тамъ шла давно уже неурядица, прикрываемая покуда наружнымъ спокойствіемъ, весьма опаснаго свойства. Вся суть, по словамъ ихъ, состояла въ томъ, что лезгинскія племена, населяющія какъ горныя трущобы, такъ и Закатальскій округъ и составляющія одно цѣлое, до покоренія Дагестана, не имѣли, собственно говоря, никакого прочно организованнаго управленія; считать лезгинъ поэтому за выработавшихъ себѣ какой-то законченный self gouvernement и опираться на него послѣ того, какъ они покорились оружію, было по меньшей мѣрѣ неосторожно. Народная сходка или Джааматъ, за которую мы въ особенности ухватились при выработкѣ горскаго управленія, имѣла въ прежнее время совершенно условное у лезгинъ значеніе; когда шла рѣчь о какомъ-нибудь хищническомъ ихъ набѣгѣ или нападеніи, рѣшенія Джаамата дѣлались не только обязательными для всѣхъ, но и тотчасъ же приводились въ исполненіе, что же касается до рѣшеній его по дѣламъ внутренней расправы, то, за полнымъ отсутствіемъ органовъ исполнительной власти, они большею частью оставались пустымъ звукомъ. Наибы, назначавшіеся Шамилемъ, не выходили изъ сферы шаріата и, только при нарушеніи его, проявляли свою власть, а по отношенію къ адату, или обычному праву, которымъ руководствовался Джааматъ, они оставались безучастными, и лицу пострадавшему предоставлялось самому править рѣшенія Джаамата, что и сводило всю процедуру къ самоуправству, нерѣдко влекущему за собой убійство и кровомщеніе, вошедшее въ обычай. Джааматъ слѣдовательно самъ по себѣ никогда не пріобрѣталъ у лезгинъ самостоятельнаго авторитета и, когда мы дали ему значеніе судебной и даже безапелляціонной въ нѣкоторыхъ дѣлахъ инстанціи, и вооружили его нашей исполнительной властью, это новшество вызвало совсѣмъ обратное дѣйствіе тому, которое мы ожидали. Принимая Джааматъ за наше древнее вѣче, или даже за мірскую сходку, и регулируя его функ-

ціи, мы думали снискать тѣмъ симпатіи народныя, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ вызвали этимъ общее неудовольствіе. Народъ насъ не понялъ, а наибы и муллы, недовольные тѣмъ, что область юрисдикціи ихъ по шаріату умалялась, стали сѣять среди лезгинъ неудовольствіе противъ насъ.

Бороться съ этимъ, отстоять Джаматъ въ новой его формѣ, ввести въ сознаніе народа важность такого учрежденія и въ то же время вліять на улучшеніе его организаціи и ценза, могла бы, конечно, мѣстная администрація, но по личному составу своему она не стояла на высотѣ такой задачи. Всѣ горскіе пристава — дидойскій, джурмужскій и другіе, окружный начальникъ, да и самъ начальникъ сѣвернаго Дагестана, набранные исключительно изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, грузинъ, люди несомнѣнно боевые и храбрые, были не подготовлены къ дѣлу управленія вообще, а нѣкоторые изъ приставовъ смотрѣли на свою службу, какъ на синекуру, жили себѣ преспокойно въ своихъ деревняхъ, полагаясь во всемъ на наибовъ, и ѣздили въ Сацхенисы получать только жалованье. Окружный же начальникъ кн. Т. завѣдомый взяточникъ, и вся эта халатность, конечно, способствуетъ только назрѣванію чего-то очень неотраднаго. Вліяніе мѣстной администраціи сводится къ нулю, а мусульманская интеллигенція наибовъ, муллъ, ходжей, софтовъ не дремлетъ и дѣятельно ведетъ подпольную свою агитацію. Такъ высказывались о ходѣ дѣлъ въ сѣверномъ Дагестанѣ нѣсколько лицъ военныхъ, опытныхъ, близко знавшихъ край; но слова ихъ оставались „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“ и до верху не доходили. А тамъ наоборотъ на все глядѣли съ точки зрѣнія оптимизма.

Князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, калифъ на часъ, уклонялся отъ всякихъ энергическихъ дѣйствій и оставался въ выжидательномъ положеніи пріѣзда или князя Барятинскаго, или другаго лица, имѣющаго быть назначеннымъ ему въ пріемники. Начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ Карцовъ, инспектировалъ время отъ времени войска, расположенныя въ краѣ, объѣхалъ между прочимъ и Кахетію, посѣтилъ Закатальскій округъ, нашелъ, что вездѣ такъ тутъ все спокойно, что не для чего и поддерживать существованіе по линіи укрѣпленій и ихъ слѣдуетъ разоружить. Словомъ, въ краѣ чувствовалось отсутствіе хозяина, его ждали изъ Петербурга, а онъ не ѣхалъ.

Но вотъ, наконецъ, эта выжидательная полоса миновала: въ январѣ 1863 года мы узнали, что намѣстникомъ къ намъ на-

значается великій князь Михаилъ Николаевичъ, а въ мартѣ онъ и самъ прибылъ въ Тифлисъ.

Всѣ спѣшили туда, чтобы представиться августѣйшему брату Государя, на всѣхъ производилъ онъ самое отрадное впечатлѣніе, все оживилось, по всѣмъ частямъ управленія закипѣла дѣятельность. Изъ дѣлъ гражданскаго вѣдомства однимъ изъ первыхъ на очереди стоялъ крестьянскій вопросъ. А. Ф. Крузенштернъ познакомилъ великаго князя съ ходомъ его, объ этомъ стало извѣстно дворянству и его успокоило. Да и въ народъ проникла о томъ же вѣсть; крестьяне въ назначеніи сюда Царемъ брата своего видѣли радостное для себя событіе: „коли брата своего прислалъ," толковали они, „значитъ, рѣшилъ дать намъ свободу, какъ русскимъ крестьянамъ". Съ весной начались работы въ садахъ, за ними пошли лѣтнія, полевыя, все въ нихъ погрузилось, все стихло...

К. БОРОЗДИНЪ.

(До слѣд. №).

17-2

Лезгинское возстаніе въ Кахетіи въ 1863 году [1].

(*Окончаніе*).

ГЛАВА V.

Извѣстіе, полученное 6-го іюня о возстаніи въ Закатальскомъ округѣ.—Распоряженія о сборѣ милиціи и поголовномъ вооруженіи уѣзда.—Отъѣздъ въ Сацхенисы.—Извѣстіе о дѣлѣ, въ которомъ былъ убитъ кн. Шаликовъ.—Штурмъ Закаталъ лезгинами.—Полковникъ Романовъ и прапорщикъ Вишняковъ спасаютъ Закаталы.—Возвращеніе мое въ Телавъ.—Сторожевые пикеты.

Утромъ 6-го іюня я, прійдя домой, сидѣлъ съ помощникомъ своимъ, княземъ Кобуловымъ, на террасѣ. Въ это время вошелъ на террасу чапаръ, весь въ пыли, и подалъ мнѣ пакетъ, къ которому былъ припечатанъ клочекъ гусинаго пера, что̀ означало экстренно важное сообщеніе. Этимъ условнымъ знакомъ до того часто злоупотреблялп безъ всякой особенной нужды, что, не придавая и на этотъ разъ никакого ему значенія, я взялъ очень спокойно пакетъ изъ рукъ чапара, не спѣша распечаталъ и сталъ читать. Но предположеніе мое оказалось на этотъ разъ ошибочнымъ. Съ первой же строки сообщенія, оно поразило меня: въ немъ говорилось о фактѣ до того громадной важности, что мнѣ не хотѣлось даже ему вѣрить. Перечитавъ бумагу другой разъ и пригласивъ съ собою помощника въ кабинетъ, я далъ ему ее тамъ прочесть.

Она была отъ сигнахскаго уѣзднаго начальника и гласила приблизительно слѣдующее: „Вчерашняго числа (іюня 5-го), ночью, Закатальскій округъ взбунтовался. Многочисленная партія, въ нѣсколько тысячъ, сдѣлала нападеніе на крѣпость

[1]) См. „Русск. Вѣстн.“ Іюль. 1890 г.

Закаталы. Чѣмъ оно кончилось, еще неизвѣстно, а покуда нѣсколько другихъ, значительныхъ партій разсыпались во всѣ стороны. Одна изъ нихъ перешла въ бродъ черезъ Алазань, у Муганлинской переправы, вырѣзала чапарскій постъ, ограбила и сожгла близъ лежащую деревню и идетъ далѣе во внутрь Сигнахскаго уѣзда. Спѣшу на встрѣчу къ ней съ казаками и увѣдомляю васъ, въ виду того, что такія же партіи, по всей вѣроятности, направились къ ввѣренному вамъ уѣзду".

Шутка сказать, мусульманское гнѣздо лезгинъ опять поднялось и грозитъ Алазанской долинѣ, въ моментъ полнаго мира и спокойствія, облить ее кровью. Въ Закаталахъ болѣе полусутокъ, какъ она уже льется!!

Помощникъ мой, князь Иванъ Евгеньевичъ Кобуловъ, состоявшій въ этой должности лѣтъ десять и испытавшій всѣ ужасы минувшей поры военныхъ тревогъ, при подобныхъ случаяхъ былъ несравненно опытнѣе меня, и по его совѣту я порѣшилъ тотчасъ же поднять милицію и призвать уѣздъ къ поголовному вооруженію. Онъ же самъ пошелъ въ уѣздное управленіе за списками состава милиціи, принесъ ихъ, я засадилъ свою канцелярію и черезъ часъ всѣ распоряженія были готовы. Сдѣланъ былъ нарядъ двухъ пѣшихъ дружинъ, каждая въ 1.000 человѣкъ, и одной дружины конной въ 150 всадниковъ. Поднято поголовное вооруженіе всего уѣзда. Переводчикъ мой, прапорщикъ князь Захарія Аргутинскій, посланъ въ ближайшую артиллерійскую штабъ-квартиру, Гомборы, за порохомъ и свинцомъ для ружейныхъ снарядовъ. Казначейству предложена выдача примѣрной суммы на двухнедѣльное довольствіе милицій.

Когда всѣ эти бумаги были готовы, подписаны и гонцы полетѣли съ ними во всѣ стороны, у подъѣзда моего стояла уже почтовая тройка, и я помчался съ конвоемъ земской стражи въ укрѣпленіе Сацхенисы.

Проѣзжая вдоль своего уѣзда, я не замѣчалъ еще нигдѣ ни малѣйшей тревоги. Вѣсть о томъ, что творится въ сосѣднемъ округѣ, сюда еще не доходила. Около 9 часовъ вечера прибылъ я въ Сацхенисы, гдѣ командиръ баталіона, полковникъ Кульманъ, встрѣтилъ меня поражающимъ извѣстіемъ.

„Князь Шаликовъ, выѣхавшій сегодня, 6-го іюня, до разсвѣта, въ Закаталы, убитъ лезгинами. Штурмовала крѣпость партія подъ предводительствомъ Хаджи-Муртуза; подробности и результатъ штурма еще не были извѣстны.

„Услышавъ частую и продолжительную канонаду со стороны Лагодехъ и Закаталъ, князь Шаликовъ, выѣхавшій съ своимъ конвоемъ, на разсвѣтѣ былъ уже въ Лагодехахъ, взялъ тамъ баталіонъ тифлисскаго полка и вмѣстѣ съ командиромъ его, барономъ Врангелемъ, пошелъ дальше. По дорогѣ стали попадаться отдѣльныя группы лезгинъ и въ то же время изъ кустовъ и изъ-за каменьевъ начали вылетать пули. Отъ захваченныхъ узнали, что возстаніемъ предводительствуетъ Хаджи-Муртузъ. На полпути къ Закаталамъ, съ лѣвой стороны отъ дороги увидѣли завалъ, за которымъ засѣла значительная партія. Тутъ Шаликовъ не вытерпѣлъ и самъ повелъ на него людей. Какъ всѣ грузины, онъ былъ лично отчаянной храбрости и, въ эту минуту, позабывъ свое служебное положеніе, безъ особой нужды, первый бросился на завалъ съ ругательными словами: „*Харамъ Заде*“. Произошла страшная свалка, въ которой однимъ изъ первыхъ палъ Шаликовъ.

„Баронъ Врангель, побивъ и разсѣявъ эту партію, подобралъ своихъ убитыхъ и раненыхъ и съ ними обратно пошелъ въ Лагодехи, а двѣ роты направилъ къ Закаталамъ“.

Вотъ все, что зналъ покуда полковникъ Кульманъ, за смертію князя Шаликова, вступившій въ исправленіе его должности, какъ старшій по чину. При немъ находился и помощникъ князя, подполковникъ князь Александръ Абхазовъ.

Крѣпостца Сацхенисы не имѣла уже орудій, которыя были вывезены изъ нея нѣсколько недѣль тому назадъ, а потому, въ случаѣ нападенія на нее лезгинъ, батальону оставалось полагаться лишь на свои ружья и штыки.

Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ тревогъ этого дня, мы съ Кульманомъ долго не ложились спать; внезапность всего случившагося похожа была на страшную грозу изъ самой ничтожной тучки среди безоблачнаго неба. Въ Кахетіи никому и въ голову не приходило о возможности рецидива прежней боевой тревоги, и вдругъ, менѣе чѣмъ въ одни сутки, часть территоріи снова уже облита кровью и въ числѣ павшихъ—такой всѣми уважаемый человѣкъ, какъ князь С. О. Шаликовъ.

Въ теченіе ночи не получалось никакихъ свѣдѣній изъ Закаталъ, но съ разсвѣтомъ, 7 іюня, дошелъ до Сацхенисскаго форштадта откуда-то слухъ, что на укрѣпленіе идетъ большая партія лезгинъ. Мгновенно человѣкъ 200 – 300 форштадтскаго населенія, большею частью женщинъ и дѣтей, семьи отставныхъ солдатъ, какъ угорѣлые, бросились въ крѣпость и

стали тащить туда что̀ только ни попало изъ своего скарба. Площадка передъ домомъ полковника Кульмана обратилась въ какое-то шумное торжище. Бабы съ сундуками, ведрами-узлами, страшно голосили, каждая выбирала себѣ мѣстечко поудобнѣе, а одна изъ нихъ, совсѣмъ растрепанная, съ корытомъ въ рукахъ, пробивалась сквозь толпу, больше всего озабоченная спасеніемъ этого корыта. Кульманъ, старый служака и очень спокойный человѣкъ, долго и терпѣливо смотрѣлъ на эту сумятицу и наконецъ прикрикнулъ на бабъ. Между тѣмъ пришли горные пастухи, спустившіеся съ высотъ, прилегающихъ къ Сацхенисамъ, и заявили, что вдали дѣйствительно видна какая-то партія, направляющаяся сюда. Чтобы провѣрить это извѣстіе, князь Абхазовъ послалъ нѣсколькихъ милиціонеровъ на высоты, командующія долиною, и послѣ цѣлаго часа ожиданія, въ теченіе котораго бабье населеніе не переставало бить тревогу, нѣкоторые изъ милиціонеровъ вернулись и сообщили, что видѣли группу всадниковъ, а лезгины ли то или русскіе—издали распознать было нельзя. Но за первыми пришли, полчаса спустя, и остальные и положительно объяснили, что ѣхавшій къ Сацхенисамъ былъ офицеръ въ бѣломъ кителѣ и при немъ конвой. Паника совсѣмъ наконецъ улеглась, когда узнали, что ѣдетъ адъютантъ убитаго кн. Шаликова, поручикъ Рубинау, съ остатками его конвоя. По въѣздѣ же его въ крѣпость, почтенныхъ матронъ изъ форштадта прогнали во-свояси, и все пришло въ прежній порядокъ.

Рубинау, неотлучно находившійся при князѣ Шаликовѣ и какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій, передалъ намъ подробности катастрофы. Князь, по словамъ его, до того былъ застигнутъ врасплохъ этимъ мятежемъ, что до послѣдней минуты не хотѣлъ вѣрить, чтобы во главѣ его могъ стоять такой искренно преданный ему человѣкъ, какъ Хаджи-Муртузъ. Онъ былъ убѣжденъ, что въ Закатальскомъ округѣ имѣется столько консервативныхъ элементовъ, что при нихъ общій мятежъ немыслимъ. Могли образоваться отдѣльныя группы, недовольныя Тархановымъ; но за большинство населенія онъ ручался. Услыхавъ на пути изъ Лагодехъ, что всѣмъ орудуетъ Хаджи-Муртузъ, онъ не сомнѣвался, что ему стоитъ лишь увидѣть его и, съ нимъ переговоривъ, привести лезгинъ къ покорности. Когда показался влѣво отъ дороги завалъ и изъ-за него зеленый тюрбанъ Хаджи-Муртуза, хладнокровіе окончательно оста-

вило Шаликова, и онъ, впереди своего конвоя, бросился въ дѣло, гдѣ и положилъ свою голову.

По взятіи же завала трупъ его найденъ былъ уже поруганнымъ. Онъ былъ оголенъ, въ ротъ всунутъ кусокъ его же мяса и на груди пришиты форменныя пуговицы, сорванныя съ сюртука.

Плѣнные лезгины разсказывали, что Хаджи-Муртузъ, узнавъ о смерти князя, переломилъ свою шашку и проклиналъ убійцъ его роднаго отца. Самъ раненый, онъ нѣсколько разъ порывался добровольно сдаться русскимъ; но лезгины не допустили его и увлекли съ собою въ горы.

Рубинау съ трупомъ Шаликова вернулся въ Лагодехи и теперь пріѣхалъ въ Сацхенисы за княгиней, его женой, чтобы съ нею вмѣстѣ поспѣшить къ останкамъ ея мужа, для скорѣйшаго преданія ихъ землѣ, такъ какъ отъ жары они предались сильному разложенію.

О Закаталахъ Рубинау ничего не могъ сообщить положительнаго. Слышно было только, что первый приступъ лезгинъ удалось отбить; но послѣдовалъ ли за нимъ другой, ему не было извѣстно.

А между тѣмъ тамъ происходили ужасы, о которыхъ для цѣльности нашего повѣствованія мы разскажемъ тутъ все, что узнали уже впослѣдствіи отъ участниковъ этого кроваваго эпизода.

Слухи о броженіи въ Закатальскомъ округѣ давно уже доходили до Царскихъ Колодцевъ (штабъ-квартиры переяславскаго драгунскаго полка и кавказской гренадерской, облегченной батареи), отстоящихъ отъ Закаталъ въ 80 верстахъ, по ту сторону Алазани, и въ особенности эти слухи стали пріобрѣтать характеръ вѣроятности послѣ пріѣзда въ Царскіе Колодцы, въ концѣ мая, полковника Романова. Онъ командовалъ линейнымъ батальономъ, расположеннымъ въ крѣпости Закаталахъ, а потому и могъ близко видѣть все творящееся въ округѣ. По словамъ его, надо было на-дняхъ ожидать серьезныхъ безпорядковъ, лезгины сдѣлались что-то очень дерзки, идутъ у нихъ какія-то сходки, начальникъ округа, кн. Т., часто уѣзжаетъ прохлаждаться въ своей деревнѣ, да они его и въ грошъ не ставятъ, зная, что правосудіе у него покупное. И несмотря на такія тревожныя свѣдѣнія, нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда полковника Романова, въ началѣ уже іюня, командиръ батареи, расположенной въ Цар-

скихъ Колодцахъ, подполковникъ Турчаниновъ, получилъ изъ Тифлиса предписаніе о перевозкѣ въ свой складъ, хранящагося въ Закаталахъ пороху, въ тѣхъ видахъ, что крѣпость тамъ упраздняется. Батарейный командиръ возложилъ это порученіе на прапорщика Вишнякова и тотъ, 5-го іюня, на разсвѣтѣ, отправился съ 17 нижними чинами, при воловьемъ транспортѣ, въ Закаталы.

Переправившись черезъ Алазань, они замѣтили вскорѣ какое-то необычайное тутъ движеніе: имъ безпрестанно стали попадаться по дорогѣ группы вооруженныхъ всадниковъ, глядѣвшія на нихъ какъ-то искоса, а въ одномъ мѣстѣ довольно большая партія остановила ихъ и разспрашивала, зачѣмъ и куда они идутъ, и, узнавъ ихъ назначеніе, что-то перетолковала между собой и поѣхала дальше. Впослѣдствіи выяснилось, что, услыхавъ о командировкѣ офицера за порохомъ, лезгины разсудили лучше не трогать его съ пустыми повозками и, выждавъ возвращенія изъ Закаталъ съ порохомъ, тогда ужь имъ и воспользоваться.

Въ два часа пополудни Вишняковъ съ командою прибылъ въ крѣпость и, явившись къ полковнику Романову, нашелъ его крайне встревоженнымъ только-что полученнымъ извѣстіемъ. Лезгины въ огромномъ скопищѣ напали на роту линейнаго батальона, находившуюся на сѣнокосѣ, вырѣзали ее всю и готовятся теперь сдѣлать нападеніе и на самую крѣпость. Такое событіе страшно взволновало все находившееся въ крѣпости, и въ ней шли оживленные толки объ оборонѣ. Какъ было оборонять, когда пушки, снятыя уже съ своихъ мѣстъ, лежали въ складѣ? Кто съумѣетъ ихъ теперь установить и ими дѣйствовать? Поручикъ гарнизонной артиллеріи, глухой старикашка, выслужившійся фейерверкеръ, мало внушалъ къ себѣ довѣрія, а потому прапорщикъ Вишняковъ просилъ полковника Романова возложить все это на него, и тотъ, тотчасъ же воспользовавшись предложеніемъ молодаго, получившаго высшее артиллерійское образованіе, офицера, какъ старшій его по чину, приказалъ ему, отложивъ возложенное на него порученіе съ порохомъ, немедленно заняться съ своей командой установкой пушекъ и приведеніемъ крѣпости въ исправность.

Поручика же гарнизонной артиллеріи полковникъ Романовъ ни на минуту не задумался подчинить Вишнякову. Старикъ

сначала поворчалъ, но военная косточка въ немъ скоро заговорила, и онъ сталъ усердно выполнять команду младшаго.

Крѣпость Закаталы, построенная гр. Паскевичемъ-Эриванскимъ въ 1830 году, системы совсѣмъ старинной, съ множествомъ мертвыхъ угловъ, рѣдко ремонтируемая, пришла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ ветхость. Представляя собою трехъугольникъ, сѣвернымъ фасомъ своимъ обращенная къ горамъ, а западнымъ къ р. Алазани, она имѣла на послѣднемъ изъ нихъ, съ сѣверо-запада, двухъярусную башню; съ юго-же-запада открытую амбразуру.

Приступивъ къ своему дѣлу, Вишняковъ прежде всего озаботился задѣлать и завалить брешь, образовавшуюся въ сѣверо-восточномъ углу стѣны, затѣмъ изъ склада досокъ инженернаго вѣдомства, по счастію тутъ нашедшихся, подѣлалъ банкеты и полъ въ двухъярусной башнѣ, установилъ двѣнадцать старыхъ крѣпостныхъ, чугунныхъ орудій большаго калибра на свои мѣста и одно полевое орудіе въ одноярусную амбразуру, распредѣливъ свою команду куда слѣдовало. Наличный же гарнизонъ состоялъ не болѣе какъ изъ двухсотъ человѣкъ подъ ружьемъ, такъ какъ цѣлая рота была вырѣзана на сѣнокосѣ лезгинами, а остальные люди находились въ расходѣ, кто за лошадьми, кто по хуторамъ, кто за скотиной, словомъ при батальонномъ хозяйствѣ, какъ это обыкновенно практиковалось въ лѣтнее время.

Крѣпость еще приводилась въ исправность, когда горцы, на глазахъ у всѣхъ, начали большими толпами выходить съ восточной стороны изъ-за садовъ и вскорѣ замѣтили, что они роются въ землѣ и дѣлаютъ насыпь. Ясно стало, что эта работа ведась ими для отвода горной рѣчки, протекающей черезъ крѣпость. Въ это же время показались такія же многочисленныя толпы лезгинъ и со стороны Алазани. Было 6 часовъ, когда полковникъ Романовъ приказалъ пробить тревогу, вызвавшую страшный переполохъ на форштадтѣ, находившемся съ западной стороны. Тутъ произошло то же, что и въ Сацхенисахъ, всѣхъ охватила паника, и населеніе, человѣкъ въ триста, съ бабьемъ, дѣтворой и со всѣмъ скарбомъ, мгновенно вскочило все въ крѣпость, послѣ чего полковникъ Романовъ приказалъ завалить деревянныя ея ворота толстымъ слоемъ булыжника. Осталась незаваленною только одна узенькая калитка, въ которую могъ проходить только человѣкъ въ одиночку. Священникъ, обойдя крѣпостныя стѣны, окропилъ го-

*

товившихся на бой святою водою. Минута была въ высшей степени торжественная.

Вскорѣ затѣмъ, когда солнце стало уже садиться, прапорщикъ Вишняковъ открылъ огонь со втораго яруса башни и послалъ въ лезгинскія толпы, на обѣ стороны, нѣсколько ядеръ. Выстрѣлы были удачны, попали въ самую ихъ середину и навели на лезгинъ крайнее замѣшательство. Главари возстанія знали о разоруженіи крѣпости, разсчитывали именно на беззащитное ея положеніе, сообщили увѣренность въ своемъ успѣхѣ народу и рѣшились поднять знамя бунта. И послѣ всего этого такое разочарованіе! Ядра выхватывали цѣлые ряды, и выстрѣлы не переставали слѣдовать одинъ за другимъ. Толпы съ обѣихъ сторонъ дрогнули, стали разсѣеваться и вскорѣ совсѣмъ скрылись; но никого въ крѣпости это не ввело въ заблужденіе, тамъ поняли, что лезгины попрятались съ намѣреніемъ сдѣлать нападеніе ночью. Откладывать его дольше становилось имъ уже невозможнымъ, такъ какъ пушечные выстрѣлы изъ Закаталъ, услышанные въ разныхъ мѣстностяхъ расположенія войскъ, неминуемо должны были вызвать подмогу малочисленному закатальскому гарнизону; а пока разсчитывая на его малочисленность, они твердо были увѣрены, что подавятъ его своею массою. И роту-то сегодня утромъ они вырѣзали, чтобы тѣмъ самымъ какъ возможно больше обезлюдить крѣпость. Все это хорошо тамъ понимали, никто, когда уже стемнѣло, не думалъ о снѣ, а Вишняковъ между тѣмъ, найдя въ артиллерійскомъ складѣ оставшіяся тамъ, со временъ еще ермоловскихъ, ручныя гранаты, рѣшилъ ими воспользоваться и приказалъ вынести ихъ оттуда. Ночью пошелъ мелкій, частый дождь, усиливши темноту.

Ровно въ полночь съ восточной стороны крѣпости послышалось монотонное пѣніе близко подошедшей уже къ крѣпостной стѣнѣ толпы лезгинъ, и вслѣдъ за пропѣтыми стихами Корана раздались страшный гикъ и ружейный залпъ. Масса пуль пронеслась надъ крѣпостью и разбила стекла въ куполѣ ея церкви. То былъ фальшивый маневръ, имѣвшій цѣлію отвлечь въ эту сторону вниманіе гарнизона, и нѣсколько минутъ спустя штурмъ начался съ западной стѣны. Лезгины разсчитывали, что деревянныя ворота не выдержатъ ихъ натиска, они не ожидали наткнуться за ними на толстый слой булыжника и особенно возлѣ нихъ скучились, что̀ не помѣшало имъ въ то же время вдоль западной и восточной стѣнъ устано-

вить лѣстницы и пытаться перелѣзть. Самая высокая изъ стѣнъ была сѣверная, а восточная и западная не достигали и полутора саженъ, слѣдовательно тутъ можно было управиться и съ невысокими лѣстницами. На стѣнахъ крѣпости стояли защитники ея, и между ними и нападающими закипѣлъ отчаянный бой, безпрерывно продолжавшійся до самаго разсвѣта.

Передать всѣ его подробности невозможно; но про геройскій духъ гарнизона и его начальниковъ краснорѣчивѣе всего говоритъ тотъ фактъ, что какихъ-нибудь триста человѣкъ, включая въ это число и людей съ форштадта, отбивались въ теченіе шести часовъ и, наконецъ, отбились отъ нападающаго на нихъ разъяреннаго скопища, по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ большаго ихъ числомъ и не добившагося, несмотря на всѣ свои усилія, овладѣть крѣпостью.

Орудія изъ обѣихъ башенъ, продольнымъ огнемъ клали цѣлыя толпы лезгинъ картечью, а въ мертвыхъ углахъ крѣпости Вишняковъ наводилъ панику ручными гранатами. Онъ самъ ихъ бросалъ, а старичекъ-комендантъ подносилъ ихъ ему въ полѣ своего пальто. Гранаты залежались, фитили въ ихъ трубкахъ медленно воспламенялись, и ихъ приходилось усиленно раздувать, отчего все лицо у Вишнякова опалено было порохомъ. Одна изъ гранатъ чуть его самого не прикончила. Спущенная по амбразурѣ съ зажженнымъ фитилемъ, она застряла при самомъ наружномъ отверстіи, такъ что Вишняковъ долженъ былъ выталкивать ее съ немалыми усиліями рукой; нѣсколько секундъ замедленія, и онъ сдѣлался бы ея жертвою. По счастію, она выскочила и мгновенно лопнула, искалѣчила и перебила цѣлую группу лезгинъ. Лафетъ подъ полевымъ орудіемъ, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, отъ ветхости разсыпался, и пришлось замѣнять его во время самаго боя.

Стали оказываться среди защитниковъ убитые и раненые, и два наличныхъ доктора съ фельдшерами не успѣвали перевязывать раны; а къ нимъ на помощь явились офицерскія и солдатскія жены, съ полковницею Софьею Астафьевной Романовой, во главѣ. Эти героини буквально позабыли всякій страхъ и всякую опасность и, какъ ангелы-хранители, появлялись вездѣ, гдѣ требовалась ихъ помощь, съ бинтами, корпіей, питьемъ и даже съ пищей, гдѣ приходилось ею подкрѣплять силы изнемогающихъ отъ чрезмѣрнаго утомленія.

Показался наконецъ разсвѣтъ 6-го іюня, и лезгинамъ стало уже невозможно продолжать нападеніе, при дневномъ свѣтѣ

картечь, ружейные выстрѣлы и ручныя гранаты били ихъ безъ промаху и, оставивъ груды тѣлъ, они начали разсѣеваться. Послѣ, когда зарывали ихъ тѣла, насчитали ихъ болѣе четырехсотъ, а не менѣе такого числа подобрали и раненыхъ и только немногихъ унесли лезгины съ собою. Среди раненыхъ замѣтили вскорѣ совсѣмъ голаго, подползающаго къ крѣпости, что-то просящаго и осѣняющаго себя крестнымъ знаменіемъ. Думали сначала, не лезгинъ ли это, желающій этимъ способомъ привлечь къ себѣ участіе; но кто-то изъ солдатъ узналъ въ раненомъ одного изъ рядовыхъ вырѣзанной вчера на сѣнокосѣ роты, и тогда его подобрали и внесли въ крѣпость. Онъ былъ раненъ въ лѣвое предплечье, цѣлыя сутки оставался безъ всякой помощи, крайне ослабѣлъ отъ потери крови и страшныхъ мученій, причиняемыхъ ему распухшею, перешибленною и болтающеюся рукою, въ которой отъ стоявшихъ тогда жаровъ завелись уже черви. Послѣ перевязки уложенный въ койку, не теряя еще сознанія, отрывисто передалъ онъ весь ужасъ эпизода съ вырѣзанной ротою.

„Нападеніе на косарей сдѣлано было врасплохъ, внезапно, съ разныхъ сторонъ, разомъ, скопищемъ въ нѣсколько тысячъ; двое офицеровъ и вся рота, безоружные, мгновенно были окружены, лишены возможности подавляющею численностію лезгинъ оказать какое-либо сопротивленіе. Имъ перевязали руки и сначала на глазахъ офицеровъ стали убивать солдатъ при ужасныхъ истязаніяхъ, послѣ чего долго подвергали офицеровъ всякимъ поруганіямъ, а потомъ и ихъ прикончили. Какимъ-то чудомъ спасся этотъ единственный, изъ погибшей роты, солдатъ и вѣроятно, потому только, что его сочли за убитаго“.

Разсказъ его такъ возмутилъ всѣхъ, что когда замѣтили на форштадтѣ укрывшихся лезгинъ, бросилась туда, никого не спросясь, перелѣзая черезъ стѣну, самая пестрая команда и повела съ ними, въ отместку за вырѣзанную роту, немилосердную расправу. На форштадтѣ былъ католическій костелъ, въ него укрылась толпа лезгинъ, стрѣляя наносила вредъ, и ее пришлось выбивать гранатами. Когда все тамъ стихло, дѣйствовавшая команда вернулась въ крѣпость на благовѣстъ. Началось богослуженіе, затѣмъ слѣдовало благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, и всѣ безъ исключенія съ обильными слезами горячо благодарили Бога за спасеніе.

Во время еще церковной службы начала вдали слышаться

учащенная пальба со стороны Лагодехъ. То происходило дѣло, въ которомъ убитъ былъ Шаликовъ. Выстрѣлы стали потомъ рѣдѣть, но замѣтили однако жъ, что они подходятъ все ближе къ Закаталамъ, и наконецъ вдали показались войска, идущія на выручку крѣпости. Шли двѣ роты тифлисскаго полка подъ командою поручиковъ Серафимовича и Христіани. Имъ приходилось дефилировать сквозь рядъ лезгинскихъ партій, засѣвшихъ въ кустахъ и за каменьями и наносившихъ имъ значительный вредъ. Образовалось у нихъ не мало раненыхъ, которыхъ они несли съ собою, почему и шли медленно. Разглядѣвъ это обстоятельство, Вишняковъ сталъ выпускать продольно, по обѣимъ сторонамъ ротъ, выстрѣлы ядрами. Роты сначала смутились, подумавъ, что стрѣляютъ въ нихъ, а кто же могъ въ нихъ стрѣлять, какъ не лезгины — значитъ крѣпость взята уже ими; но поручикъ Серафимовичъ, замѣтивъ направленіе и дѣйствіе ядеръ исключительно на окружавшихъ ихъ горцевъ, объяснилъ, въ чемъ дѣло своимъ людямъ, и они смѣлѣе пошли впередъ. На близкомъ разстояніи отъ крѣпости вышли къ нимъ закатальцы со значками и хоругвями на встрѣчу, и вскорѣ произошла тутъ самая искренняя сцена братскихъ объятій. Численность гарнизона значительно выросла, и теперь вздохнули всѣ свободнѣе. Еслибы штурмъ лезгинскій снова повторился, онъ былъ бы уже не страшенъ.

День 6-го іюня прошелъ покойно, а ночью лезгины намѣревались снова сдѣлать нападеніе, но у нихъ не было уже вчерашняго предводителя, Хаджи-Муртуза; говорили, что онъ раненъ, а потому все ограничилось рысканьемъ лезгинъ возлѣ крѣпости, съ раздирающимъ уши ихъ гикомъ и ружейными выстрѣлами на угадъ. Прапорщикъ Вишняковъ приготовилъ имъ, на всякій случай, и новый сюрпризъ. Вытащивъ изъ склада мортиру, пускалъ онъ изъ нея отвѣсными выстрѣлами гранаты, разрывавшіяся на значительной высотѣ, ярко освѣщавшія окрестность и посылавшія осколки лезгинамъ, засѣвшимъ въ кустахъ. Впрочемъ, къ утру о нихъ и слухъ простылъ, они разсыпались по всѣмъ направленіямъ для грабежа и разбоя среди христіанскаго населенія сосѣднихъ уѣздовъ.

Передавъ все происходившее 5-го и 6-го іюня въ Закаталахъ, повторяемъ, по слышаннымъ уже впослѣдствіи разсказамъ участниковъ этого эпизода, вернемся въ повѣствованіи своемъ опять же къ Сацхенисамъ, гдѣ мы въ то время находились.

Полковнику Кульману, какъ управляющему тогда сѣвернымъ Дагестаномъ, я сообщилъ о своихъ распоряженіяхъ передъ выѣздомъ изъ Телава, онъ ихъ одобрилъ и просилъ какъ можно поспѣшнѣе выслать къ нему созванныя милиціи. Мы устроили съ нимъ постоянную летучую почту, чтобы имѣть какъ можно чаще извѣстія о происходившемъ въ чертѣ нашихъ управленій, и послѣ обѣда я выѣхалъ обратно въ Телавъ уже въ сумерки.

Переправившись на паромѣ черезъ Алазань и выѣхавъ на большую дорогу у селенія Бакурцихе, къ удивленію своему, я увидѣлъ вдоль нея разведенные костры и возлѣ нихъ людей. Подъѣхавъ къ первому костру, узналъ я, что то сторожевые пикеты, выставленные поголовно вооруженными уже селеніями. Въ моемъ отсутствіи, въ теченіе одиѣхъ сутокъ, сдѣлалось это какъ бы по щучьему велѣнью, и на разстояніи пятнадцати верстъ, до Цинандала, ѣхалъ я среди иллюминацій кострами.

Живо представилось мнѣ тогда минувшее время вѣковой тревоги страстотерпицы Кахетіи, и понятною стала мнѣ быстрота, съ которой она привыкла вооружаться и отбывать организованную сельскую оборону. За четыре года мира и спокойствія привычка эта еще не утратилась, и въ самый разгаръ полевыхъ работъ, при первомъ призывѣ, населеніе съ чрезвычайной быстротой взялось опять за оружіе. Въ этомъ было что-то поразительное, внушающее невольное уваженіе къ такому мужественному народу.

На вопросъ мой у крестьянъ, содержавшихъ пикеты: „есть ли у васъ порохъ и свинецъ“, они весело отвѣчали: „нашелся еще кое-какой старый запасецъ, требуется однако жъ его подновленіе“. Чѣмъ я и обѣщалъ не замедлить.

Къ дому князя Давида Чавчавадзе подъѣхалъ я, когда уже совсѣмъ стемнѣло, и нашелъ княгиню въ большой тревогѣ. Она думала уже съ дѣтьми уѣзжать въ Тифлисъ или, по крайней мѣрѣ, въ Телавъ. Воспоминаніе о мрачномъ эпизодѣ ея плѣна со свѣжею силою воскресло въ ея памяти. Но я ее успокоилъ и разсказалъ все мнѣ извѣстное, совѣтовалъ покуда не спѣшить и выждать еще день, другой, увѣренный въ томъ, что дальнѣйшему разрастанію мятежа быстро положенъ будетъ конецъ.

Суматоха этого дня до того меня утомила, что послѣ ужина, оставшись ночевать въ Цинандалѣ, я только-что добрался до постели, какъ заснулъ сномъ убитаго.

ГЛАВА VI.

Прибытіе въ Телавъ батареи съ Гомборь и адъютанта Намѣстника, кн. С. Н. Трубецкаго.—Двѣ пѣшія и одна конная дружины, снабженныя порохомъ и свинцомъ, выступаютъ.—Пріѣздъ губернатора Орловскаго.—Царскіе Колодцы. Хевсуръ.—Распущеніе милиціи. -Расправа съ лезгинами.—Ссылка Хаджи-Муртуза въ каторгу.

8-го іюня, рано утромъ, вернулся я въ Телавъ, и первое, что бросилось мнѣ тутъ въ глаза, была артиллерійская батарея, пришедшая изъ Гомборъ и расположившаяся на городской площади. Городничій, подполковникъ Гурскій, доложилъ мнѣ, что она слѣдуетъ по приказанію великаго князя черезъ мой уѣздъ въ Закаталы; и что сюда же прибылъ съ нею адъютантъ его высочества, полковникъ кн. С. Н. Трубецкой, желающій меня видѣть. Попросивъ князя пожаловать ко мнѣ и идя къ себѣ въ домъ, на дворѣ его увидѣлъ я коляску, въ которой, какъ мнѣ сказали, пріѣхалъ наканунѣ кн. Орбеліани, командиръ грузинской дружины, съ своей женой, отъѣзжающей въ Тифлисъ, чтобы быть подальше отъ лезгинъ. Спустя нѣкоторое время сидѣлъ я уже съ княземъ Трубецкимъ въ кабинетѣ, и со словъ моихъ онъ писалъ къ великому князю донесеніе обо всемъ мнѣ извѣстномъ изъ происшедшаго въ Закатальскомъ округѣ. Съ донесеніемъ этимъ полетѣлъ нарочный въ Тифлисъ, а въ это время помощникъ мой пришелъ мнѣ сказать, что пѣшая и конная милиціи уже собрались, командиръ ихъ, полковникъ кн. Джандіеровъ, получилъ порохъ и свинецъ, привезенные кн. Аргутинскимъ изъ Гомборъ, людямъ розданы снаряды, и дружины ожидаютъ выдачи имъ знаменъ, находившихся въ городскомъ соборѣ. Церемоніалъ этотъ совершили немедленно; офицеры принесли знамена, священникъ отслужилъ молебенъ, а послѣ того, обойдя съ княземъ Джандіеровымъ ряды дружинъ и поблагодаривъ молодцовъ за быстроту, съ которою они собрались, направили ихъ къ Сацхенисамъ. Зурна заиграла, и дружины весело выступили. На нихъ любо-

дорого было смотрѣть, все были люди отборные, бывалые, опаленные порохомъ; нельзя было не дивиться быстротѣ, съ которою они сформировались. Не прошло еще и двухъ сутокъ съ посылки приказовъ, а они собрались со всѣхъ концовъ уѣзда. Князь Трубецкой, новичекъ еще тогда на Кавказѣ, положительно былъ въ восторгѣ отъ такихъ блистательныхъ боевыхъ качествъ кахетинцевъ. Отправивъ пѣшія дружины, вскорѣ затѣмъ отправилъ я и артиллерію подъ прикрытіемъ конной сотни, поручивъ послѣднюю командѣ городничаго, подполковника Гурскаго, а послѣ обѣда уѣхалъ отъ меня въ Закаталы и кн. Трубецкой, въ сопровожденіи конвоя земской стражи.

Но что же дѣлалось въ Тифлисѣ и какія шли оттуда распоряженія?

Извѣстіе о мятежѣ получилось тамъ 6-го іюня, и намѣстникъ тотчасъ же распорядился направить въ Закаталы два полка—Эриванскій и Гренадерскій, а чтобы они поскорѣе поспѣли къ мѣсту, посадили ихъ въ нѣмецкіе и молоканскіе фургоны, и они были уже въ Закаталахъ 8-го числа. Вслѣдъ за ними прибыло нѣсколько казачьихъ полковъ и съ разныхъ сторонъ артиллерійскія части. Командующимъ всѣми этими силами назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ князь Ревазъ Ивановичъ Андрониковъ. Съ лезгинами пошла серьезная расправа. Имъ пришлось въ особенности солоно, когда съ дагестанскихъ горъ, по Муханскому ущелью, спустился командующій Дагестаномъ, князь Леванъ Ивановичъ Меликовъ, съ нѣсколькими тысячами аварской конницы. Между аварцами и джарцами существуетъ давнишняя закоренѣлая, племенная ненависть, и теперь аварцы съ особеннымъ рвеніемъ поспѣшили сюда и пошарили такъ исправно Закатальскій округъ, не оставивъ въ немъ ни одного уголка въ покоѣ. Очевидцамъ всего, что они тутъ натворили, разсказанные впослѣдствіи европейскою прессою ужасы о расправѣ башибузовъ въ Батакѣ и Базарджикѣ были не новостью. Мятежъ подавленъ былъ моментально и съ такою энергіей, что она отбила надолго охоту какъ у джарцевъ, такъ и у сосѣднихъ имъ горныхъ обществъ, подымать знамя бунта, а это было чрезвычайно важно въ виду того, что, какъ послѣ оказалось, закатальскій эпизодъ былъ только прологомъ драмы, въ которой должны были принять участіе всѣ горцы Дагестана. Планъ общаго возстанія задуманъ былъ тестемъ Шамиля, извѣстнымъ Джамалъ-Эддиномъ,

почитаемымъ горцами заживо святымъ. Послѣ плѣненія Шамиля, онъ переселился въ Мекку и оттуда не переставалъ возбуждать правовѣрныхъ паломниковъ къ священной войнѣ, къ Газавату, съ гяурами. Въ планѣ, имъ, задуманномъ, на первой очереди, стояло взятіе закатальской крѣпости и, еслибы оно удалось, то за нимъ всѣ горскія общества должны были, какъ одинъ человѣкъ, поднять общее знамя священной войны. Такъ что и при этомъ можно опять же сказать: „Великъ русскій Богъ“. Не попади совершенно случайно, съ своими людьми, молодой артиллерійскій офицеръ Вишняковъ [1]) въ Закаталы, незначительный гарнизонъ этого укрѣпленія, съ глухимъ поручикомъ гарнизонной артиллеріи и безъ пушекъ, былъ бы вырѣзанъ до послѣдняго человѣка, какъ и рота, находившаяся на сѣнокосѣ.

А мы подобныхъ замысловъ ничуть не подозрѣвали. Мусульманскій міръ всегда остается для насъ закрытымъ въ самомъ себѣ, сильно сплоченнымъ и умѣющимъ держать въ непроницаемой тайнѣ свои планы. Князь Шаликовъ, обманывавшій самого себя близостью и искренностью къ нему лезгинъ, сдѣлался и первою жертвою такого ослѣпленія.

Говорили также, что одновременно съ воздѣйствіемъ Джамалъ-Эддина изъ Мекки, въ закатальскомъ мятежѣ усматривались и слѣды воздѣйствія какъ турецкаго, такъ и англійскаго. Шла молва и о подпольныхъ продѣлкахъ кавказскихъ поляковъ, которыми издавна кишитъ эта наша окраина, и указывали даже на какого-то отставнаго офицера Домбровскаго, проживавшаго въ Закаталахъ и имѣвшаго связи съ лезгинскими коноводами. Молва не казалась тогда и невѣроятною въ виду того, что въ то время шла у насъ смута въ самой Польшѣ, и европейскія державы всячески пытались въ нее вмѣшаться, пока князь Горчаковъ не охладилъ ихъ своими знаменитыми нотами. Покуда же это европейское броженіе не улеглось, польскіе патріоты, изъ служащихъ на Кавказѣ, не стѣсняясь, громко высказывали свои надежды на политическое возрожденіе Польши, открыто собирали „офяры“ и отправляли ихъ на дѣло „ойчизны“ и изъ среды своей выдѣлили двухъ офицеровъ генеральнаго штаба—Владычанскаго и Ружицкаго, да одного

---

[1]) Евгеній Петровичъ Вишняковъ, получившій тогда за геройскій свой подвигъ орденъ Георгія IV-й степени и слѣдующій чинъ, состоитъ въ настоящее время, въ чинѣ полковника, начальникомъ с.-петербургскаго окружнаго юнкерскаго училища.

еще поручика, инженера путей сообщенія, Янкевича. Они всѣ трое вышли въ отставку, поѣхали „до лясу“, гдѣ и сдѣлались знаменитыми „довудцами“ и начальниками бандъ.

9-го іюня пріѣхалъ ко мнѣ черезъ Гомборы губернаторъ г. Орловскій и, одобривъ всѣ мои распоряженія, взялъ меня съ собою въ Сигнахскій уѣздъ, на Царскіе Колодцы. Съ этого возвышеннаго пункта, противолежащаго Закаталамъ, видна была Алазанская долина, какъ на ладони. Когда смеркалось, многочисленные бивуачные огни близъ самыхъ Зататалъ указали намъ расположеніе тамъ нашихъ войскъ.

10-го числа, получивъ успокоительныя свѣдѣнія, мы съ губернаторомъ разъѣхались, онъ въ Тифлисъ, а я снова въ Сацхенисы. Тутъ я узналъ, что мои дружины благополучно добрались до мѣста своего назначенія, а также безъ всякихъ приключеній дошла до Закаталъ и артиллерійская батарея. Изъ Сацхенисъ попалъ я по заалазанской сторонѣ своего уѣзда для осмотра земскихъ постовъ и на одномъ изъ переѣздовъ, помню, имѣлъ прекурьезную встрѣчу. Въ стальной кольчугѣ съ налокотниками, въ стальномъ шлемѣ, со щитомъ на правомъ бедрѣ, съ длиннымъ мечемъ на лѣвомъ, съ винтовкою, вложенною въ рысій чехолъ, съ пистолетомъ и кинжаломъ за поясомъ, съ вышитыми на плечахъ красными крестами, ѣхалъ на небольшой чаленькой лошадкѣ, съ переметными сумами на ея крупѣ, ни дать, ни взять, средневѣковой рыцарь. Носъ съ горбомъ, густыя брови, какіе-то остановившіеся глаза безъ всякаго выраженія и длинные усы дополняли иллюзію. Оказалось, что это Хевсуръ. Сидя въ своей горной трущобѣ, чуть-ли не не за тридевять земель отъ Закаталъ, онъ узналъ, что тамъ дерутся; рыцарское его ретивое не выдержало, онъ живо снарядился и солистомъ отправился къ мѣсту побоища. Словомъ, чистѣйшій Донъ-Кихотъ Ламанчскій, возставшій изъ гроба и гарцующій на своемъ Ронсинантѣ. Посовѣтовавъ ему спѣшить, чтобы не опоздать, я пожелалъ ему боевыхъ успѣховъ; мы раскланялись и поѣхали каждый своимъ путемъ. На Кавказѣ не мало еще водилось тогда такихъ антиковъ.

18-го іюня я получилъ предписаніе распустить милицію и снять сельскіе караулы, такъ что тревога въ уѣздѣ продолжалась не болѣе двухъ недѣль, и затѣмъ все опять пошло на мирный ладъ.

Но въ самыхъ Закаталахъ дѣло еще не было покончено. Несмотря на самыя энергическія дѣйствія, сначала князя Андрони-

кова, а затѣмъ принявшаго отъ него командованіе войсками, князя Меликова, лезгины не выдавали Хаджи-Муртуза, и такъ его спрятали въ горахъ, что всякіе розыски и обѣщанія наградъ за его голову не велп ни къ чему, вслѣдствіе чего закатальцамъ было объявлено, что войска до тѣхъ поръ будутъ содержать экзекуцію въ ихъ округѣ, пока предводитель возстанія не будетъ въ рукахъ начальства живой или мертвый. И несмотря на такую суровую мѣру, лезгины не покорились и не выдавали Хаджи-Муртуза до ноября мѣсяца. Въ это время начальникомъ сѣвернаго Дагестана назначенъ былъ генералъ-маіоръ Николай Николаевичъ Кармалинъ, а закатальскимъ окружнымъ начальникомъ подполковникъ Николай Григорьевичъ Столѣтовъ, оба изъ генеральнаго штаба, а послѣдній, свободно владѣя и восточными языками, могъ говорить съ народомъ безъ переводчика. Эти свѣжія русскія силы своимъ разумнымъ и твердымъ воздѣйствіемъ поколебали упорство лезгинъ, и тѣ наконецъ согласились выдать Хаджи-Муртуза, съ тѣмъ однако же, чтобы ему была дарована жизнь. Пришлось изъ жалости къ фанатикамъ пойти на эту уступку, имъ объявлена была воля Августѣйшаго Намѣстника, что зачинщику мятежа будетъ дарована жизнь, и предстоитъ ему безсрочная каторга. Хаджи-Муртузъ выѣхалъ тогда къ Н. Н. Кармалину, былъ вскорѣ высланъ въ Сибирь, гдѣ лѣтъ десять спустя и умеръ.

ГЛАВА VII.

Рецидивъ лезгинскаго возстанія въ 1877 году.—Мысли по поводу мѣръ, которыя могли бы послѣдовательно вести къ освобожденію мусульманскаго міра отъ волканическаго въ немъ броженія, угнетающаго какъ его самого, такъ и сосѣдніе съ нимъ христіанскіе народы.

Такъ покончился первый эпизодъ закатальскаго возстанія; но онъ былъ не послѣднимъ въ ряду возстаній горскихъ племенъ Дагестана и еще въ худшихъ размѣрахъ повторился въ 1877 году.

Когда послѣ неудачнаго Зевинскаго дѣла войска наши изъ Малой Азіи принуждены были отступить къ Кавказскимъ границамъ, слухи о томъ возбудили мусульманскій фанатизмъ чеченцевъ до такой степени, что даже самые благоразумные изъ нихъ стали разсуждать въ такомъ смыслѣ: турки скоро

придутъ на Кавказъ и потребуютъ у насъ отвѣта: „почему вы не помогли намъ? вы, мусульмане, забыли примѣръ самой Россіи, такъ дѣятельно помогавшей единовѣрной ей Сербіи". На это главари чеченцевъ рѣшили, что когда придутъ турки, имъ надо встрѣтить съ оружіемъ въ рукахъ и объявить имъ, что чеченцы—народъ свободный, нежелающій подчиняться ни туркамъ, ни русскимъ. Такому рѣшенію опять же предшествовали веденные за годъ переговоры. Въ 1874—75 годахъ турки вызвали къ себѣ, подъ предлогомъ путешествія въ Мекку, многихъ вліятельныхъ чеченцевъ. Въ Константинополѣ они имѣли свиданіе съ Митхадъ-Пашой, который взялъ съ нихъ клятву поднять священную войну противъ Россіи и указалъ имъ планъ дѣйствій. Изъ числа этихъ мнимыхъ паломниковъ передовымъ былъ тогда Хаджи-Алибекъ, сравнительно еще молодой горецъ, лѣтъ сорока. Вернувшись на родину, онъ привелъ къ присягѣ не мало своихъ земляковъ, грозя смертью измѣннику, который разгласитъ обстоятельства Константинопольскаго свиданья. Съ тѣхъ поръ вліяніе его все росло, а ближайшіе къ нему одноплеменники, по обыкновенію, признали его заживо святымъ, не только Хаджи, но и сыномъ по духу Магомета. Этотъ-то человѣкъ и поднялъ въ 1877 году знамя бунта, въ моментъ неудачъ нашихъ въ Малой Азіи; возстаніе съ быстротою молніи сообщилось въ горныя трущобы Дагестана и въ Закатальскій округъ. Повторился разсказанный нами эпизодъ 1863 года въ большихъ еще размѣрахъ. Дидойцы, капучинцы, анцухцы спустились въ долины Телавскаго уѣзда, а закатальцы пошли хозяйничать въ уѣздахъ Сигнахскомъ, Нухинскомъ и даже Кубинскомъ.

За 14 лѣтъ мирной полосы кадры милиціи совершенно разстроились, освобожденіе крестьянъ въ 1864 году окончательно разъединило два сословія, дворянъ и крестьянъ, исторически между собою сплоченныя. Множество старпковъ померло, поголовное вооруженіе населенія сдѣлалось дѣломъ невѣдомымъ для молодыхъ поколѣній, сильная власть прежняго уѣзднаго начальника уже не существовала, и Алазанская долина при новыхъ порядкахъ испила горькую чашу отъ мусульманскаго возстанія. Въ добавокъ же, когда кавказское начальство попробовало заставить крестьянъ нести обязательную милиціонную службу, въ Сигнахскомъ уѣздѣ они сами взбунтовались, поколотили предводителя дворянства, нѣсколькихъ чиновниковъ, уѣзднаго начальника и даже начальника дивизіи, кн. Орбе-

ліани, гостившаго въ то время у своихъ сигнахскихъ родственниковъ. Чтобы унять мужиковъ, пришлось ввести въ уѣздъ военную команду. Къ счастію для Кахетіи, сами горцы новаго поколѣнія далеко не были уже тѣмъ, чѣмъ были ихъ отцы; продолжительный миръ имѣлъ значительное вліяніе на смягченіе и ихъ жестокостей. Они грабили, убивали, но все же не творили тѣхъ неистовствъ, которыми такъ щеголяли ихъ отцы. Смута продолжалась довольно долго, пока не прибыли Волгою къ нашей дѣйствовавшей арміи свѣжія силы, съ которыми мы повернули при Аладжидагѣ наши дѣла къ лучшему. И тогда только могли мы заняться спеціально горцами, угомонить ихъ какъ слѣдуетъ и успокоить Алазанскую долину.

И гдѣ же порука въ томъ, чтобы подобная исторія опять здѣсь не повторилась?

За двадцатисемилѣтній періодъ, съ той поры, къ которой принадлежитъ нашъ очеркъ Кахетіи, эта страна сдѣлала въ производительномъ и промышленномъ отношеніи большіе шаги впередъ. Виномъ кахетинскимъ снабжаются обѣ наши столицы, оно входитъ все въ большее употребленіе; Цинандалъ, имѣніе кн. Давида Чавчавадзе, пріобрѣтено покупкою у его наслѣдниковъ въ удѣлъ; въ Сигнахскомъ уѣздѣ гр. С. Д. Шереметевъ купилъ Абхазовское имѣніе Карданахъ; въ обоихъ этихъ имѣніяхъ вкладываются теперь значительные денежные капиталы, въ видахъ развитія въ широкихъ размѣрахъ винодѣлія, нѣтъ сомнѣнія, что за этими первыми крупными владѣльцами появятся въ Кахетіи и другіе, и невольно рождается при этомъ вопросъ: а какъ же быть-то съ волканическими элементами, съ мусульманскими горцами? Будутъ ли они когда-либо надежными сосѣдями съ мирнымъ христіанскимъ населеніемъ долины?

Мусульманство страшно упруго, оно не поддается внѣшнему вліянію, а тѣмъ болѣе пропагандѣ христіанскихъ миссій. Во главѣ его стоитъ каста улемовъ, имамовъ, хаджей, муллъ, софтовъ, словомъ, сословіе начетчиковъ и толкователей корана, держащее милліоны людей въ рабскомъ себѣ повиновеніи и глубочайшемъ невѣжествѣ. Это-то и даетъ возможность выходящимъ изъ этой руководящей среды ловкимъ честолюбцамъ, рядомъ съ изувѣрами фанатиками, время отъ времени подымать послушныя имъ массы и вести ихъ, куда имъ вздумается, подъ знаменемъ священной войны. Шейхъ Мансуръ, первый придумавшій эту войну въ концѣ прошлаго столѣтія и дав-

шій ей первое примѣненіе среди горцевъ Кавказа, былъ конечно величайшимъ шарлатаномъ. Родомъ итальянецъ, попавшій случайно на востокъ, превосходно изучилъ онъ арабскій языкъ и коранъ и повелъ свою пропаганду на дѣвственной почвѣ, среди горскихъ племенъ Кавказа. Взятый подъ конецъ нами въ плѣнъ въ крѣпости Анапѣ, онъ окончилъ свою жизнь въ Соловецкомъ монастырѣ. Но брошенное имъ сѣмя дало плодъ, съ которымъ не мало уже пришлось намъ считаться. Кази-Магома, Гамзатъ-бекъ и Шамиль были только послѣдователями ученія итальянца-авантюриста, скрывавшаго свое происхожденіе подъ псевдонимомъ Шейхъ Мансура. Память о Шамилѣ и до сихъ поръ еще свѣжа въ горахъ, и вулканъ все-таки окончательно не потухаетъ. Но какъ же его потушить? И вѣрны ли тѣ пути, которые нами намѣчены къ тому. Подходили мы къ мусульманству покуда съ одной внѣшней его стороны, имѣя дѣло только съ руководящей его средой. Нянчились съ улемами, муфтіями, муштеидами, муллами и имъ подобными учителями ислама различныхъ наименованій, осыпали ихъ золотомъ, думая сдѣлать изъ нихъ проводниковъ цивилизаціи; былъ даже одинъ губернаторъ въ Закавказьи, входившій съ проектомъ объ улучшеніи быта мусульманскаго духовенства, точно у мусульманъ существуетъ это сословіе. У нихъ есть богословы, начетчики корана, аскеты, дервиши, искусно вліяющіе на народную массу; но вѣдь это не пастыри церкви, получающіе преемственно отъ апостоловъ дары Святаго Духа, черезъ таинство священства, вслѣдствіе чего и называющіеся духовенствомъ. Мы до того разнѣжничались съ начетчиками корана, что дали имъ наименованіе совершенно имъ неподобающее. Но не довольно ли опираться намъ исключительно на нихъ однихъ, только лишь отдаляющихъ насъ, а не сближающихъ съ мусульманскимъ населеніемъ, не лучше ли бы было пройти въ этотъ замкнутый міръ инымъ путемъ, предоставивъ ученыхъ богослововъ съ ихъ кораномъ самимъ себѣ, безъ всякой съ нашей стороны искусственной ихъ поддержки, и отказавшись разъ навсегда отъ строгаго охраненія ортодоксальности ихъ ученія, обратить особое вниманіе на просвѣщеніе низшаго слоя населенія устройствомъ среди него сельской, профессіональной школы, составляющей насущную его потребность, также какъ и всего населенія Закавказья безъ различія исповѣданій. Два, три поколѣнія мусульманскихъ, прошедшія черезъ такую школу, въ силу общихъ

законовъ техническаго знанія, настолько просвѣтлѣли бы умственно, что сознали бы наконецъ необходимость высвобожденія своего изъ-подъ мистическаго и вреднаго гнета своихъ теперешнихъ руководителей. Человѣка мало-мальски просвѣщеннаго нельзя же въ самомъ дѣлѣ втянуть въ такое безобразное изувѣрство, какъ ежегодное напримѣръ повтореніе извѣстной кровавой трагедіи, носящей названіе Шахсе-Вахсе [1]) Главнѣйшимъ же стимуломъ къ отрезвленію массъ явился бы неизбѣжно и подъемъ матерьяльнаго ихъ благосостоянія, и порядокъ въ странѣ.

К. БОРОЗДИНЪ.

---

[1]) Мистерія, совершаемая мусульманами шіитскаго толка въ воспоминаніе страданій ихъ пророка Алія. Правовѣрные доходятъ тутъ до такого изступленія, что сами себѣ наносятъ глубокія раны кинжалами, отчего не рѣдко исходятъ кровью. И все это продѣлывается средь бѣла дня, въ такомъ большомъ напримѣръ городѣ, какъ Елисаветополь.

2007099233